

ISSN 2218-7774

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ**

№ 4(35), 2021

**НАУЧНЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ**

ISSN 2218-7774

Научный журнал
№ 4(35), 2021

Учредитель:
Научно-исследовательский
институт
педагогике и психологии

Главный редактор
М.В. Волкова

Периодичность
1-4 раза в год

Адрес редакции, издателя:
428017, г. Чебоксары,
пр. Московский, 52А

Телефон
8(927)668-16-12
8(8352)38-16-12

E-mail:
551045@mail.ru

Информация
об опубликованных статьях
регулярно предоставляется
в систему Российского индекса
научного цитирования
(договор №300-10/2011R).

Полнотекстовая версия
журнала размещена на сайтах:
<https://www.np-journal.ru>,
<https://www.elibrary.ru>

Научный Журнал
<https://www.np-journal.ru>

Точка зрения редакции может
не совпадать с мнениями
авторов публикуемых
материалов.

Научный потенциал

№ 4 (35), 2021

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов публикуемых материалов. Ответственность за достоверность фактов несет автор(ы) публикуемых материалов.

Материалы представлены в авторской редакции. Автор(ы) гарантирует наличие у него исключительных прав на использование переданного редакции материала. В случае нарушения данной гарантии и предъявления в связи с этим претензий к редакции, автор(ы) самостоятельно и за свой счет обязуется урегулировать все претензии. Редакция не несет ответственности перед третьими лицами за нарушение данных автором гарантий.

Присланные рукописи не возвращаются. Авторское вознаграждение не выплачивается. Перепечатка материалов, а также их использование в любой форме, в том числе и в электронных СМИ, допускается только с письменного согласия редакции.

Научный потенциал. – 2021. – № 4(35). – 67 с.

Формат 60 × 84/4
Бумага офсетная
Усл.-печ. л. 6
Тираж 500 экз.
Подписано в печать 01.12.2021 г.
Дата выхода в свет 10.12.2021 г.

Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
НИИ педагогики и психологии
428017, г. Чебоксары, пр. Московский, 52А
тел. 89276681612, e-mail: 551045@mail.ru
Цена свободная

ISSN 2218-7774

Scientific Journal
№ 4(35), 2021

Founder:
Research institute Pedagogy and
Psychology

Editor in chief
M.V. Volkova

Periodicity
1-4 times a year

Editorial office:
428017, Cheboksary,
Moskovsky Avenue, 52A

Phone
8(927)668-16-12
8(8352)38-16-12

E-mail:
551045@mail.ru

Information about
published articles
regularly provided
in Russian Science Citation Index
(contract № 300-10/2011R).

The full-text version of
the journal is posted on the sites:
<https://www.np-journal.ru>
,<https://www.elibrary.ru>

Science Magazine
<https://www.np-journal.ru>

Point of view, could lead to not
necessarily reflect the views
of the authors of publications.

Scientific potential

№ 4 (35), 2021

The point of view of the editorial board may not coincide with the opinions of the authors of the published materials. The author(s) of the published materials is responsible for the accuracy of the facts. Materials are presented in the author's edition. The author(s) guarantees that he has exclusive rights to use the material transferred to the editor. In case of violation of this guarantee and in connection with this claims to the editorial office, the author(s), independently and at his own expense, undertakes to settle all claims. The editors are not liable to third parties for violation of the guarantees given by the author. Submitted manuscripts will not be returned. Copyright is not paid. Reprinting of materials, as well as their use in any form, including in electronic media, is allowed only with the written consent of the publisher.

Scientific potential. – 2021. – № 4(35). – 67 p.

Format 60 × 84/4
Offset paper
Conv. sh. 6
The circulation of 500 copies.
Signed on print 01.12.2021 r.
Publication date 10.12.2021 r.

Printed in the department
operational printing
Research Institute of Pedagogy and Psychology
428017, Cheboksary, Moscow Avenue, 52A
tel. 89276681612, e-mail: 551045@mail.ru
Free price

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы XII международной научной конференции
«ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ»
(г. Чебоксары, Россия, 25 октября 2021 г.)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Гончаров А.С. Антиномии чистого разума. Был ли Иммануил Кант агностиком? 5

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Запрудская О.В. Выражение благодарности в официально-деловой коммуникации (на материале протоколов стенограмм немецкого и австрийского правительств) 10

Михеева М.И. Политическая корректность в английском языке 15

Хуснуллина Ю.А. Типологический аспект современной неологии 18

Ямщикова Н.Ю. Реферирование иноязычных текстов как основа успешного изучения иностранного языка обучающимися в вузе 21

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ашимова Д.И., Жакупов Н.А. Особенности правового регулирования назначения и производства судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан и Российской Федерации 25

Жакупова Г.А., Бейсебаева А.Б. Особенности расследования убийств 30

Сайлау М., Конысбекова М.Р. Понятие и признаки экологических преступлений 34

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Воробьев Д.О. Экскурсия как форма воспитания нравственной устойчивости на факультете иностранных студентов при изучении дисциплины «История» 38

Малкова З.И., Сорокина Т.А. Психологическая готовность к школьному обучению 41

Самодурова Е.В., Погодина И.А. Формирование метапредметных результатов у обучающихся на уроках информатики 43

Теряева О.А. Потенциал российской земской школы в развитии отечественного образования 46

Токарева М.В., Малярчук Н.Н. Значение терминов «компетенция» и «компетентность» в российских и зарубежных исследованиях 51

Шульц О.В., Грачева Т.В. Современные методы оценивания 54

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Галстян М.Н., Никулина Т.И. Психологические особенности формирования профессионально важных качеств практических психологов в процессе профессиогенеза 57

Кочубек кызы А., Койчуманова Н.М. Гендерные аспекты в СМИ 62

CONTENT

Materials of the XXII International Scientific Conference
«INFORMATION SPACE MODERN SCIENCE»
(Cheboksary, Russia, 25 October, 2021)

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Goncharov A.S. Antinomies of pure reason. Was Immanuel Kant an agnostic?	5
---	---

PHILOLOGICAL SCIENCES

Zaprudskaya O.V. Expressing gratitude in official business communication (based on the meeting minutes of the German and Austrian governments)	10
Mikheeva M.I. Political correctness in the english language	15
Husnullina Yu.A. Typological aspect of modern neology	18
Yamshchikova N.Yu. Referencing of foreign language texts as the basis for successful learning of a foreign language by students at a university	21

LEGAL SCIENCES

Ashimova D.I., Zhakupov N.A. Peculiarities of legal regulation, appointment and production of forensic examinations in criminal court proceedings of the Republic of Kazakhstan and Russian Federation	25
Zhakupova G.A., Beisebaeva A.B. Features of murder investigation	30
Sailau M., Konysbekova M.R. Concept and signs of environmental criminal offenses	34

PEDAGOGICAL SCIENCES

Vorobyev D.O. Excursion as a form of education of moral stability at the faculty of foreign students in the study of the discipline «History»	38
Malkova Z.I., Sorokina T.A. Psychological readiness for school education	41
Samodurova E.V., Pogodina I.A. Formation of meta-subject results in students in informatics lessons	43
Teryaeva O.A. Potential of the russian zemskaya school in the development of domestic education	46
Tokareva M.V., Malyarchuk N.N. Meaning of the terms «competence» and «competence» in russian and foreign research	51
Shults O.V., Gracheva T.V. Modern evaluation methods	54

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Galstyan M.N., Nikulina T.I. Psychological features of the formation of professionally important qualities of practical psychologists in the process of professiogenesis	57
Kochubek kyzy A., Koichumanova N.M. Gender aspects in the media	62

Материалы XXII международной научной конференции
«ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ»
(г. Чебоксары, Россия, 25 октября 2021 г.)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 165.42

**АНТИНОМИИ ЧИСТОГО РАЗУМА.
БЫЛ ЛИ ИММАНИЛ КАНТ АГНОСТИКОМ?**

ГОНЧАРОВ Артем Сергеевич

бакалавр

ФГАОУ О «Северо-Кавказский федеральный университет»

г. Ставрополь, Россия

Orcid ID: 0000-0002-3244-8155

В статье был проведен системный анализ антиномий чистого разума в исследованиях Иммануила Канта (на основании полного собрания сочинений в восьми томах 1994 г.). В ходе исследования мы используем комплекс методов. Общенаучных: метод системного анализа, сравнение, интерпретация, сопоставление, конкретизация и обобщение, индукция и дедукция. Психологических: циклический метод, структурный метод. Социологических: анализ документов, метод обобщения характеристик, метод идеальных типов. Результатом исследования стало выявление гносеологической позиции Иммануила Канта на основе анализа антиномий чистого разума в основном философском исследовании и в трудах разных лет.

Ключевые слова: антиномия, разум, чувство, познание, истина, агностицизм, атеизм.

Актуальность темы данного исследования заключается в необходимости частного изучения гносеологии, гносеологической позиции Иммануила Канта на основе изучения антиномий чистого разума. Особый интерес вызывает закрепившийся в традиции неклассической философии вопрос о том, был ли Иммануил Кант умеренным агностиком.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты статьи можно использовать в определении ценностной стороны гносеологии Иммануила Канта в рамках развития современных концепций, основанных на кантианстве и неокантианстве. В методическом аспекте материалы исследования можно использовать в качестве

содержательной части на занятиях по философским, психологическим и социологическим дисциплинам.

Научная новизна исследования выражена в новом подходе к анализу представления о гносеологической позиции Иммануила Канта, соотнесенности его концепций с умеренным агностицизмом, на основе абстрагированного от сложившейся в неклассической философии традиции изучения четырех антиномий чистого разума.

Цель исследования – системный (частный) анализ гносеологической позиции Иммануила Канта.

Антиномия (др.-греч. ἀντι-νομία «противоречие закона») – понятие, характеризую-

щее противоречивость формы философского закона самому себе. Антиномия отражает ситуацию, где один способ философствования, либо развивает другой, противоречащий тому в своем основании, либо приводит к формированию высказывания, в котором умозаключение имеет два логически равноправных обоснования. В таких обоснованиях нельзя определить степень истинности или ложности, нельзя обосновать парадигму и нельзя признать одинаково верными. Признаки антиномий определяются ценностно и логически. В широком смысле содержание логических сторон антиномий имманентно, но не может быть охарактеризовано научными методами [11].

Термин «антиномия» был предложен неосхоластом Рудольфом Гоклениусом. Однако, антиномические суждения были распространены в философии Платона, неоплатоников, в меньшей степени – в аристотелевской традиции. Разновидностью антиномии считаются апории («трудности») Зенона из Элеи. Семантической антиномией считается суждение Евбулида из Милета: «То, что я сейчас говорю, является ложью. Значит, это высказывание ложно». Мы знаем, что Евбулид говорит правду по поводу того, что лжет, но, сообщая об этом в высказывании, Евбулид одновременно не лжет [1]. Так, высказывание философа не является ни софизмом, ни алогизмом, при этом, его невозможно ни опровергнуть, ни точно определить его истинность/ложность, так как оно направлено на раскрытие понятия «ложь» через семантику слова. Имманентно, чувственно, опытно определить верность высказывания нельзя, поэтому оно является семантической антиномией [10].

В философии Иммануила Канта распространены антиномии в отношении познания ценностных, моральных и общеполитических категорий. В исследовательском дискурсе нас интересуют антиномии чистого разума, на основе которых можно разрешить вопрос, являлся ли Иммануил Кант умеренным агностиком, исходя из его гносеологической позиции. Сам философ доказывал, что антиномии порождаются необходимостью изучения процесса познания, когда разум пытается выйти за преде-

лы эмпирического познания, с целью познания ноуменов (вещей-в-себе). Решение И. Канта сформулировать в отношении важнейших вопросов познания антиномии может свидетельствовать как об агностицизме, так и о нежелании давать однозначный ответ, не обладая достаточными аргументами в пользу той или иной позиции [4; 5; 6].

И. Кант использовал понятие антиномия и для определения важнейших вопросов чистого разума. Попытки выйти за пределы чувственного опыта познания ноуменов, приводящие чистый разум к противоречиям и обладающие равной долей тезисов и антитезисов, должны, по мнению философа, быть отнесены к антиномиям.

Так, в «Критике чистого разума» философ выделил четыре главные антиномии чистого разума:

1. В нашем познании мир конечен или мир бесконечен (ср.: что первично – сознание или материя; мир познаваем или нет).

2. Каждая сложная субстанция состоит из простых частей – не существует ничего простого, в том числе простых субстанций.

3. В мире существует свобода – в господствует только причинность, ограничивая всякое стремление к свободе.

4. Существует первопричина мира (шестое доказательство существования бога) – как таковой не существует первопричины мира [4].

В обосновании антиномий И. Кант заявляет о том, что познание бога само по себе является противоречием, в котором наш теоретический разум (ориг. «Vernunft») вечно изыскивает сложные чувственные, интуитивные формы восприятия, в попытках познать имманентную составляющую априори непостижимого явления [2]. В то же время, философ настаивает на необходимости продолжения поисков средств познания бога, хотя в начале «Критике чистого разума» общается о том, что теоретический разум не способен предоставить материал для рассудка, на основе которого познание бога считалось бы возможным. Эти два положения не противоречат друг другу [3].

Исходя из этого, антиномии чистого разума затрагивают тонкую грань перехода

объекта из состояния восприятия ноуменом (неопознанным) в феномен (чувственно воспринимаемый), когда вначале формируется пространство, время и затем форма объекта [4]. Г. Гегель отмечал важность значения кантовских антиномий, так как они диалектичны по своему существу [11]. В свою очередь, И. Кант отстаивает как тезисы, так и антитезисы, подчеркивая двойственность посылок в формировании суждения, умозаключения.

Согласно первой антиномии чистого разума, если допустить, что мир в познании бесконечен, а вселенная не имела начала времени и пространства, то до настоящего момента в познании должна была уже пройти бесконечность, но она не прошла, и мы это можем видеть в собственной конечности и в ограниченности познания, следовательно, истинной может быть любая позиция, но не две сразу. Либо мир идеален и бесконечен сам по себе и, следовательно, непознаваем, либо мир материален, и материя имеет определенные границы, пределы формообразования, которые вполне можно будет познать с развитием науки [4].

Вторая антиномия чистого разума указывает на то, что в каждой субстанции может быть сосредоточены другие субстанции, составляющие ее целокупность. Проводим ли мы различия между вещами-в-себе и вещами-для-нас или нет, форма их существования определена длящаяся, следовательно, мы считаем, что в ней есть ограничение только исходя из ограниченности познания. С другой стороны, в любой крупной части не может быть постоянно сосредоточено определенное количество более мелких частей, так как должны быть изначальные, мельчайшие частицы, лежащие в основе чего, внутри которых ничего не содержится [4].

Третья антиномия чистого разума указывает на дихотомию «свобода-причинность» – либо мир существует сам по себе, идеален он или материален, и непознаваемый объективный мир, подвластный некоей вселенской логики, развивается относительно свободно, либо у каждой вещи-в-себе (явления) есть определенная причина, обуславливающая последствия ее пространственно-временного изменения, взаимодействия с другими объектами ми-

ра, отношение человека, условия его познания и т. д. То же касается у человека – в какой степени его воля ограничена причинностью или обусловлена вселенской свободой [4].

Четвертая антиномия чистого разума допускает существование первопричины мира, что мир, тождественный богу, существует, потому что он – источник морали и нравственности, в той или иной степени доступных каждому объекту и субъекту в мире, так как объекты подчинены всеобщей морали в ее созидательном основании, а субъекты в своих поступках исходят из морального чувства и совершают моральное действие (в «Критике способности суждения»: истинной моралью признается «долг» – атрибут божественного начала человека [6]). При этом, И. Кант столь же уверенно доказывает, что первопричины мира как таковой не существует, мораль объекта подчиняется фактическим законам природы, и мораль субъекта не всегда обусловлена самим фактом его существования, деятельности, познания и пр. [4].

Этика И. Канта описывает судьбу человека как «бесконечную духовную эволюцию». И. Кант не отделяет человека от природы, но, в то же время, настаивает, что, как и любое живое существо, человек должен бороться за свое счастье против природы, совершенствуясь физически и духовно, пытаясь найти бога или ограничиваясь углублением в собственную волю [5]. В этом философ видит и возможность для теоретически бесконечного развития тела и духа, ограниченных лишь конечностью жизни. Докритический период этики И. Канта носит противоречивый характер: с одной стороны философ стоит на позиции античного представления о «совершенном теле – совершенном духе», с другой – пишет о том, что лишь люди, ограниченные физически, способны ощутить вкус борьбы и сладость прожитой жизни [9].

Содержание «Критики практического разума» говорит о философе в большей степени как об исследователе, стоящем на атеистической позиции. Люди в этических трудах И. Канта способны использовать эмпирику и, при этом, раскрыть определенный потенциал чувственного познания, особенно те, кто способен одинаково хорошо воспри-

нимать мир всеми органами чувств. Если человек слеп, то, с позиции И. Канта, он может априори постичь более «глубинные» феномены мира, доступные слуху, обонянию, осязанию, вкусу. По той же логике, человек, которому доступно только зрение или слух, априорно познает феномены мира зрения или слуха, вещи-для-нас становятся ближе к его ценностной системе, так как воспринимаются более остро [5]. Данную позицию неоднократно критиковали представители неокантианства (Баденская школа), но именно в ней заключается особое отношение И. Канта к собственным антиномиям. Если в гносеологии философ старается придерживаться нейтральной позиции, то в этике часто эта позиция смещается в сторону атеизма, исключая случаи с объяснением природы морали, «всеобщего закона», для актуализации которых И. Кант нуждался в обращении к трансцендентному [11].

В «Лекциях по этике» И. Кантом было показано, как человек, который кажется страдает от этических парадоксов, добивается успехов лишь самим фактом борьбы, осознания важности «всеобщего закона». В «системе духовного совершенствования» человек обретает свободу и продолжает быть зависим только от прямых средств духовного взаимодействия: любви, дружбы, доверия и уважения [9]. В «Критике способности суждения» И. Кант пишет, что в единичном средстве духовного взаимодействия, познания прекрасного проявляется моральное действие и моральное чувство. В этом положении состоит одна из главных этических антиномий И. Канта, утверждающего, что моральное действие, связанное с каким-либо средством духовного взаимодействия, основано на прерогативе «чистого разума» – шаблона идеального человека и идеального общества, которые априори нереализуемы в полной мере даже на уровне отношений двух моральных субъектов [6].

Во второй части «Основоположения к метафизике нравов» И. Кант заявляет, что люди в рамках выяснения морального основания действия ограничены априорным познанием, критичность которого сводится на нет в момент сознания вещей-для-нас. Люди способны к

чувственному скоплению воли, реализации поступка воли через всеобщую максиму. Так, существует морально-законное, объективно-доброе действие – «веление разума», основанное на совокупности личностных переживаний, невзгод, которые учат людей быть добрыми. Веление разума не зависит от божественного начала, проявления трансцендентного в мире. Формула веления разума отражена в критическом императиве. Нравственная (для-себя) воля отражена в «формуле закона» (объективно-формальный аспект), «формуле человечности» (субъективно-ценностный аспект) и в «формуле автономии и царства целей». Триединство нравственной воли создает посыл к доброму поступку [5].

Концепция «Мира на кончиках пальцев» строилась на умеренном агностицизме философа: И. Кант считал, что объективный мир непознаваем. В то же время, такая нейтральная позиция была обусловлена важностью точного описания чистого разума. Человек может лишь попытаться на основе своих чувств лично воспринять феномены (вещи-для-нас), тогда как суть ноуменов (вещей-в-себе) навсегда останется для него непостижимой. Трансцендентное (непознаваемое) основание подталкивает человека к чувственному познанию или к обращению в область трансцендентального (чувственно непознаваемого) [7]. Отсюда единственным выходом И. Кант видит использование опыта, так как познание априори (до опыта) не способно обогатить человека знанием, а лишь наполнить его духовно, культурно, чувственно. Тогда апостериорное познание (на основе опыта), путем многократного повторения знаний прошлого, открывает путь к развитию и самосовершенствованию [8].

Итак, на основании трактовки антиномий чистого разума и близких к ним антиномий из разных трудов Иммануила Канта, мы считаем, что философ в большей степени придерживался атеистической позиции, в отношении первоосновы, первопричины мира и его познаваемости. В этических работах обращение к божественному, трансцендентному было необходимо с целью подробного описания отдельных аспектов чистого разума, чистого опыта, сравнения и сопоставле-

ния характеристик объектов и субъектов, ноуменов и феноменов в мире. Как бы в насмешку над самим собой И. Кант выдвинул шестое доказательство, так что трудно сказать, являлось ли оно попыткой объяснить субъективную природу пространства и времени или ключом к разрешению антиномий. Трансцендентальный идеализм И. Кан-

та был самопротиворечив, но в итоге математические и динамические антиномии, судя по их описанию и формулировке в тексте оригинала, были сформулированы ближе к пониманию мира атеистом, а не агностиком. Умеренная позиция была необходима для определения рациональной космологии, лишенной всякой внутренней достоверности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: Аст, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
2. Кант И. Сочинения. В 8-мит. Т. 1. – М.: ЧОРО, 1994. – 544 с.
3. Кант И. Сочинения. В 8-мит. Т. 2. – М.: ЧОРО, 1994. – 432 с.
4. Кант И. Сочинения. В 8-мит. Т. 3. – М.: ЧОРО, 1994. – 742 с.
5. Кант И. Сочинения. В 8-мит. Т. 4. – М.: ЧОРО, 1994. – 632 с.
6. Кант И. Сочинения. В 8-мит. Т. 5. – М.: ЧОРО, 1994. – 416 с.
7. Кант И. Сочинения. В 8-мит. Т. 6. – М.: ЧОРО, 1994. – 616 с.
8. Кант И. Сочинения. В 8-мит. Т. 7. – М.: ЧОРО, 1994. – 496 с.
9. Кант И. Сочинения. В 8-мит. Т. 8. – М.: ЧОРО, 1994. – 720 с.
10. Russell B. Am I an Atheist or an Agnostic? // Bertrand Russell: His works, vol. 11: Last Philosophical Testament, 1943-68. - ed. by J.G. Slater. – L. – N.Y.: Routledge, 1997.
11. Sedgwick S. Hegel on Kant's antinomies and distinction between general and transcendental logic / S. Sedgwick // Monist. – 1991. – Vol. 74. – No 3. – P. 403-420.

ANTINOMIES OF PURE REASON. WAS IMMANUEL KANT AN AGNOSTIC?

GONCHAROV Artem Sergeevich

bachelor

North Caucasus Federal University

Stavropol, Russia

The article contains a systematic analysis of the antinomies of pure reason in the studies of Immanuel Kant (based on the complete collected works in eight volumes of 1994). In the course of our research, we use a set of methods. General scientific: the method of systems analysis, comparison, interpretation, juxtaposition, concretization and generalization, induction and deduction. Psychological: cyclical method, structural method. Sociological: document analysis, method of generalizing characteristics, method of ideal types. The result of the study was the identification of the epistemological position of Immanuel Kant based on the analysis of the antinomies of pure reason in the main philosophical research and in the works of different years.

Key words: antinomy, reason, feeling, knowledge, truth, agnosticism, atheism.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале протоколов стенограмм немецкого и австрийского правительств)

ЗАПРУДСКАЯ Ольга Вадимовна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург»
г. Санкт-Петербург, Россия

Данная статья посвящена выражению благодарности в немецком языке в ситуации официально-делового общения. Данное языковое явление принято рассматривать формально, однако языковой материал представляет собой интересное исследовательское поле с лексической, прагматической и стилистической точки зрения. В статье анализируются случаи употребления прямой и косвенной благодарности в деловом дискурсе. Материалом исследования послужили стенограммы протоколов правительственных заседаний Германии и Австрии разных лет.

Ключевые слова: лингвистическая прагматика, благодарность, официально-деловой стиль, деловая коммуникация.

Выражение благодарности – наиболее частотное языковое явление во всех языках. Однако ее употребление часто сводится к элементарным речевым формулам и клише, редуцированных до односложных единиц, например, Danke в немецком языке. Благодарность в официально деловой обстановке носит преимущественно ритуальный характер, и чаще всего она выражается высокопоставленным лицам, за присутствие и приход на работу и исполнение функциональных обязанностей. Несмотря на то, что преобладающей качественной чертой официально-делового стиля является неличный тон изложения и отсутствие субъективной окраски, некоторые отдельные сферы официально-деловой жизни предполагают наличие *экспрессивности* (в первую очередь логической) [2, с. 154]. Если коммуникация носит более свободный, не ритуальный характер (например, дебаты), выражение благодарности может быть более искренним и не будет зависеть от официальной обстановки общения. В отдельных случаях возможно появление благодарности, использование которой осуществляется намеренно для осуществления другой интенции, например, саркастическая благодарность, благодарность-упрек

или благодарность-отказ. Особенности ее выражения почти не зависят от ситуации общения, от социальных статусов коммуникантов, зависят от степени искренности выражения чувств и эмоций. Такая «антиблагодарность» обычно провоцируется несопадением обещаний и действительности, а также необоснованных поступков или неправильных действий со стороны профессиональной деятельности адресата/ов благодарности.

В институализированном деловом дискурсе благодарность часто включается в коммуникативную структуру собеседников в фазы начала и/или окончания общения и поэтому самой распространенной является формальная благодарность – начинающая и завершающая коммуникацию [6, с. 203]. Данные фазы являются обязательными компонентами ситуации ввиду своей ритуальности и для соблюдения принципов кооперации. Например, контактоустанавливающая благодарность: «*Sehr geehrter Herr Bundespräsident! Hohe Bundesversammlung! Es ist mir ein Bedürfnis, meine Rede mit einem Dank zu beginnen – einem Dank an drei Personen, die in einer echten Ausnahmesituation durch ihre Professionalität und in gemeinsamer Verantwortung für Stabilität gesorgt haben*» [8].

Контактозавершающая благодарность: «*Mit einem herzlichen Dank an Sie, Herr Dr. Baumann, und an Ihre Mitarbeiter möchte ich schließen. (Beifall bei der FDP, der CDU/CSU und der SPD)*» [8].

Так как прототипическая ситуация благодарности предполагает наличие субъекта благодарности, который оценил для себя какой-то поступок или действие речевое/неречевое (стимул/повод) как бенефактивное и находится в позиции долга, чтобы выразить реакцию на стимул, то в высказываниях, актуализирующих интенцию благодарения в официально-деловой ситуации имеют развернутую номинализацию персонифицированные обращения и стимулы благодарности (ретроспективные или соотнесенные с настоящим моментом): «*Die Ministerin hat darauf hingewiesen: Es ist ein gefährliches Engagement. Ich bin für die Arbeit unserer Soldatinnen und Soldaten sehr dankbar. Ich selber habe mich vor Ort überzeugen können, in was für einem wirklich schwierigen Umfeld sie dort hochprofessionell arbeiten und ihr Leben riskieren. Dafür gebührt ihnen unser aller Dank*» [7].

В частном общении употребление обращений является более сильным фактором искренности речевого акта благодарности. Для официальных ситуаций, обязывающих обе стороны соблюдать социальные конвенции, использование обращений обязательно. Оно является дифференцированным показателем отношений между коммуникантами равных или различных социальных статусов и повышает искренность и/или формальность речевого акта благодарности: «*Wir begrüßen den Antrag dieses hochgeachteten Senators. Ich glaube, dieses Hohe Haus stimmt darin überein, daß Senator Langer mit seinem Antrag einen ausgezeichneten Beitrag zur Entwicklung der amerikanisch-deutschen Beziehungen geleistet hat. Wir sind ihm von Herzen dankbar dafür*» [7].

Количество адресатов, упоминаемых в обращении, всегда разное (массовый со сверхстатусом Parlament, Bundestag, обращение Kollegen; единичный Herr Staatsoberhaupt, Herr Präsident, Frau Kanzler, Herr/Frau + Familienname). Их упоминание релевантно социальному статусу адресатов: «*Dr. Schröder, Bundesminis-*

ter des Innern: Herr Präsident! Meine Damen und Herren! Ich möchte den beiden Herren Vorrednern für die freundliche Aufnahme danken, die sie dem Gesetzentwurf bereitet haben» [7].

Различное выражение адресанта (отправителя интенции благодарности) тоже имеет разную степень экспрессивности: «*Für die initiative Rolle, die Bundeskanzler Kohl bei der Erreichung vieler dieser notwendigen Kompromisse gespielt hat, für sein Drängen auf mehr Fortschritt und für die behutsame Mittlerposition, mit der er gegensätzliche Standpunkte zusammenzubringen trachtete, habe ich ihm namens der CDU/CSU-Bundestagsfraktion zu danken. (Beifall bei der CDU/CSU)*» [7], субъект 1-го лица является представителем целой партии *namens der CDU/CSU-Bundestagsfraktion* (косвенно представлен массовый адресат). При этом необходимо отметить, что аплодисменты, звучащие в конце реплики – это тоже массовый способ выражения благодарности в официальной обстановке, только не речевой, а кинетический. В примере «*Mein besonderer Dank gilt Otto Fricke, Frank Schäffler und Christian Dürr, die ich hier stellvertretend für unsere AG Haushalt und meinen Arbeitskreis nenne, für die stets herzliche Atmosphäre, die oft auch launig war, und dafür, dass ich diese Rede heute noch halten konnte*» [7], отправитель интенции благодарности выражен притяжательным местоимением в 1-го лица ед. ч.

В некоторых случаях адресант благодарности опускается, обезличивается, сам говорящий при этом не совершает акт благодарности, но навязывает интенцию долга благодарения всем присутствующим: «*Die meisten Soldaten leisten einen hervorragenden Dienst. Es ist ihrer Professionalität und Besonnenheit zu verdanken, dass die fragile Stabilität dort überhaupt Bestand hat*» [8].

Как уже было упомянуто, для деловой ситуации общения характерен подобный акт благодарности, где перечисляются все компоненты речевого акта (адресат, адресант, сама благодарность и стимул), и каждая из этих составляющих может быть «усилена» многочисленными интенсификаторами различной этимологии (морфологические, грамматические, прагматические). Обогащение речи такими единицами имеет ключевое зна-

чение при демонстрации своего ораторского красноречия и усиления речевого воздействия на аудиторию: «*Wir möchten uns **noch einmal sehr herzlich** für die Zusammenarbeit **bedanken** und Ihnen **alles Gute** für die nächste Zukunft **wünschen**» [7]. В приведенном примере *noch einmal* – повторная благодарность для усиления ее значимости; *sehr herzlich* – усилитель интенции + эпитет используются для обозначения «меры» выражаемой благодарности; *Zusammenarbeit* – лексема, выбранная для подчеркивания единства; *alles Gute wünschen* – акт благодарности усиливается речевым актом пожелания, который очень часто в деловой коммуникации образует с ним пару смежности.*

Лексические повторы самого акта благодарности являются наиболее частотным способом усиления экспрессивности политической речи. Таким приемом является **повтор элементов** «danke», «Dank». Это может быть последовательный повтор «Danke, danke», разные виды комбинированных повторов «Danke vielmals, danke sehr» или повтор в виде рамки, обрамляющей какое-либо высказывание, связанное с интенцией благодарения (выражение признательности, оценки поступка собеседника и др.). Н.А. Трофимова пишет о разнообразных **лексико-синтаксических повторах**, которые могут ограничиваться рамками одного высказывания, оформляться как самостоятельные высказывания, непосредственно соположенные в речевой цепи как Danke, ... herzlichen Dank, или Dank abtatten, ... Dank aussprechen, ... Dank zu übermitteln, а также образовывать своеобразную рамку в пределах коммуникативного блока – ряда высказываний, объединенных общей иллокутивной силой [5, с. 141]. Все виды повтора характеризуют эмоциональную речь: по выражению К.А. Долинина, говорящий, ощущая неадекватность высказывания или его части индивидуальному чувству, пытается восполнить качество количеством [3, с. 216]. Эмоциональная функция выражена более ярко при контактном повторе. Дистантный повтор наряду с эмоциональной функцией выполняет еще и архитектурную. Для контактного повтора

важна «достаточная теснота ряда, т. е. достаточно близкое расположение повторяемых единиц относительно друг друга» [1, с. 182]: «*Zum Abschluß, meine sehr verehrten Damen und Herren, (1) **spreche** ich im Namen meiner Fraktion den Kolleginnen und Kollegen der anderen Fraktionen **den Dank** für die fachbezogene Mitarbeit **aus**. (Beifall des Abg. Walther [SPD]) (2) **Dank gilt** auch den Mitarbeitern aus den zuständigen Ministerien. Der Bundesregierung (3) **gelten ein besonderer Dank** und eine große Anerkennung für die gute Politik, die zur verbesserten Anbindung des Zonenrandgebietes beigetragen hat und noch weiter beitragen wird. (4) **Herzlichen Dank**» [7].*

или

«*Cronenberg (FDP): Herr Präsident! Meine verehrten Kolleginnen und Kollegen! Nicht nur zu Ihrer, auch zu meiner Überraschung habe ich die Ehre und das Vergnügen, die Stellungnahme der FDP zu diesem Gesetzesvorhaben abgeben zu dürfen. **Bevor** ich das tue, möchte ich denselben Adressaten, (1) **an die der Kollege Wolfram seinen Dank abgestattet hat**, (2) **für die zügige Beratung auch unseren Dank aussprechen**. Von den Kollegen, die die Beratungen seitens der FDP-Fraktion durchgeführt haben, bin ich beauftragt; (3) **insbesondere dem Kollegen Russe unseren Dank zu übermitteln**» [7]. В данном фрагменте можно проследить все шаги благодарности, начиная с красноречивого обращения, украшенного эпитетом *verehrten* и подтверждения статуса коллег; еще до выражения главной интенции автор высказывания выражает общую *оценку пропозиционального действия* субъектом как бенефактивного и свое эмоциональное состояние, что уже входит в лексико-семантическое поле благодарности и косвенно ее актуализирует, компонент рациональной и эмоциональной оценки *Ehre und das Vergnügen*; выдвижение благодарности на первый план демонстрирует важность исполнения долга перед присутствующими и соблюдение ритуала *bevor ich das tue*. При этом автор допускает возможность присоединения к «чужой» благодарности, демонстрируя единство их намерений и равнозначную оценку повода благодарности *denselben Adressaten, an die der Kollege Wolfram seinen Dank abgestattet hat*,*

при этом повтор благодарности не эксплицирует прямого авторского намерения, он только усиливает интенцию благодарения: *«Ich will mich natürlich auch bei allen Mitgliedern bedanken, vor allen bei den Obleuten, bei Anke Domscheitberg, bei Mario Brandenburg, bei Dieter Janecek und natürlich auch bei meinem Koalitionskollegen Tankred Schipanski. Vielen, vielen Dank! Wir sind, glaube ich, nach wie vor eine verschworene Truppe im Digitalausschuss»* [7].

С морфологической точки зрения официально-деловой стиль является номинативным, именным стилем, что проявляется в преобладании существительных, прилагательных, в стертых до положения глагольных связок глаголов, в большом количестве отыменных предлогов и союзов [2, с. 154]: *in Übereinstimmung zwecks, laut, kraft dessen, Infolge dessen* и т. п. Данная черта стиля отражается на благодарности, которая, в свою очередь, может быть представлена в речевой или письменной коммуникации без реализации самого речевого акта благодарности и названия перформативных единиц. Использование предлога *dank* является особым случаем формирования интенционального смысла в косвенных высказываниях благодарности. Его этимология восходит к соответствующему существительному, и его исходная форма также представляет собой словосочетание с *Dank sei j-m, einer Sache*, которое было настолько употребительным, что превратилось сначала в парантезу и затем с 18 века стало употребляться в качестве предлога для выражения причинно-следственных отношений [5, с. 145]. Но первоначальное значение в предлоге не стерлось окончательно, оно все еще довольно очевидно, поэтому его появление в речи совершенно однозначно проявляет намерение говорящего поблагодарить адресата: *«Ich will Ihnen etwas sagen: Es gibt auch eine andere Hitliste, die der Verschuldung der Gemeinden und der Städte in der Bundesrepublik, und wenn Sie die nehmen, stellen Sie fest, daß die erste schleswig-holsteinische Stadt auf Platz 18 kommt – dank der hervorragenden Politik, die auch von dem ehemaligen Ministerpräsidenten Stoltenberg in Schleswig-Holstein gemacht worden ist»* [7].

Очень часто в различных вариациях упо-

минаются лишь стимулы/поводы благодарности, сопровождающиеся эпитетом или наречием *dankbar*, таким образом субъект коммуникации косвенно благодарит тот или иной повод и людей сопричастных к нему. При этом *dankbar* не стоит в своей обычной позиции в составе именной части сказуемого (*Ich bin dankbar*), а является признаком действительного, оцениваемого субъектом как бенефактивное, например: *«Also eine Vereinfachung unseres gesamten öffentlichen Rechts! Hier ist ein sehr dankbares Feld für die Vorbereitungsarbeit der Exekutive, und ich hoffe, daß die Exekutive sich dieser dankbaren Arbeit in Kürze in verstärktem Maße zuwendet»* [8], или используется наречие, номинализирующее интенцию благодарности, и в таком случае мы говорим лишь о косвенной благодарности: *«Dieser erweiterte Weisungsbefugnisbegriff wurde dankenswerterweise von der rot-grünen Koalition mitgetragen. Ich bin froh, dass es zu dem überfraktionellen Antrag gekommen ist»* [8].

или *«Heute haben wir ein Urteil des Bundesverfassungsgerichts aus dem vergangenen Jahr umzusetzen, das dankenswerterweise unter anderem von Frau Leutheusser-Schnarrenberger und unserem ehemaligen Kollegen Burkhard Hirsch als Einzelkämpfern erstritten worden ist»* [7].

Используя эмфатический порядок слов, автор может изменить ритмическую организацию своего высказывания, так как намеренное нарушение порядка слов приводит к смещению фразового ударения на начало предложения [4]. Несмотря на то, что сам акт благодарения отсутствует, интенция благодарности выступает здесь на первый план и намерение упомянуть ее важно для оратора столь же, как и оценить действия адресата: *«Dankbar denken wir an das in den letzten vier Jahrzehnten Erreichte»* [7]. В данном примере благодарственное наречие *dankbar* выполняет роль прагматического интенсификатора, оно выносится на первый план и отображает модальную оценку оратора к последующей излагаемой информации.

В заключение хотелось бы отметить употребление благодарности Высшим силам и Богу. Несмотря на то, что фраза *Gott sei Dank* утратила свое первоначальное значение и актуализируется все больше в каче-

стве междометия, имеющего значение облегчения, она все также часто встречается в деловой коммуникации. Однако если в немецкой политической коммуникации оно практически исчезло из обращения политиков, то в австрийском парламенте частотность его употребления достаточно высока как в прошлом, так и в нынешнем столетии: «*Was in der Zwischenzeit einmal als Regierungsentwurf aus den Schreibtischen hervorgekramt wurde, ist ...Gott sei Dank sehr schnell wieder in der Versenkung verschwunden*» [7]; «*Wir können natürlich sagen, dass immer mehr junge Menschen an die Gedenkstätte kommen,*

Gott sei Dank, und unsere Programme in Anspruch nehmen, wir treten aber auch ganz bewusst und ganz gezielt an Erwachsenengruppen heran, an Unternehmen, an Betriebe, dass sie zu uns kommen und das Bildungsangebot auch annehmen» [8].

Таким образом, выбор языковых средств для выражения благодарности в немецком языке зависит от многих факторов (коммуникативной ситуации, интенции субъекта, способа ее выражения, от степени искренности выражения чувств и эмоций) и характеризуется в определенной степени национальной спецификой коммуникантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): учеб. пособие для студентов фак. и ин-тов иностранных языков. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1973. – 304 с.
2. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: учебник. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
3. Долинин К.А. Стилистика французского языка. – Л.: Просвещение, 1987. – 303 с.
4. Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка: учеб. пособие – 4-е изд., испр. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 242 с.
5. Трофимова Н.А. От любви до ненависти: Смысловые узоры экспрессивов. – СПб.: ИВЭСЭП, 2011. – 295 с.
6. Фомина М.Н. Объявления-благодарности: структурные и прагматические особенности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки: научно-теоретический журнал. – 2010. – № 1. – С. 203-207.
7. Deutscher Bundestag – Protokolle. – URL: <https://www.bundestag.de/protokolle/> (дата обращения: 10.10.2021).
8. Stenographische Protokolle / Parlament Österreich. – URL: <https://www.parlament.gv.at/PAKT/STPROT/> (дата обращения: 11.10.2021).

EXPRESSING GRATITUDE IN OFFICIAL BUSINESS COMMUNICATION (based on the meeting minutes of the German and Austrian governments)

ZAPRUDSKAYA Olga Vadimovna

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages

Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg
St. Petersburg, Russia

This article is dedicated to the expression of gratitude in official communication in German. The relevance of this article is due to the fact that this linguistic phenomenon is usually considered as a formal one, however the linguistic material is an interesting field for research from the perspective of semantic, style and pragmatic analysis. This paper presents an analysis of the speech act of thanking in official discourse. The material of the study was transcripts from the German and Austrian governmental meetings of different years.

Key words: linguistics, pragmatics, gratitude, official discourse, business communication.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

МИХЕЕВА Мария Игоревна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
факультет международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения
Историко-архивный институт
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
г. Москва, Россия

Изучение политической корректности способствует осознанию роли языка в обществе и помогает в рамках межкультурного общения. Одна из основных целей использования политической корректности в речи заключается в том, чтобы быть внимательным, тактичным, проявлять уважение и заботу о людях в целом. В статье рассматриваются особо распространенные типы политкорректности в речи.

Ключевые слова: политкорректность, эвфемизмы, язык, дискриминация, лексика, толерантность, политически некорректный.

Политическая корректность зародилась среди американских студентов колледжа в конце 1980-х и начале 1990-х гг. В университетских городках стал доминировать набор ценностей, которые называются политкорректными, то есть нужно иметь единое отношение к определенным чувствительным вопросам, таким как Третий мир, положение женщин, экология и т. д.

Тенденция расовой политкорректности родилась более 30 лет назад в связи с недовольством африканцев, возмущенных «расизмом английского языка» и требующим его «дереализации», то есть было нацелено на то, чтобы перестать использовать расовые характеристики в речи.

Термин впервые был предложен в 1983 г. известной феминисткой Карен де Кроу, президентом Американской Национальной организации в защиту прав женщин. С 1989 г. свыше 200 колледжей и университетов США приняли кодексы, запрещающие расовую и половую дискриминацию меньшинств. Согласно Оксфордскому словарю новых слов, политическая корректность – это «соответствие либеральной или радикальной точке зрения по социальным вопросам, характеризующееся защитой утвержденных взглядов и неприятием языка и поведения, считающихся дискриминационными или оскорбительными» [1].

На сегодняшний день также существует термин “black lives matter”, что указывает на то, что проблема с расовой дискриминацией до сих пор не решена как в США, так и во всем мире, хотя попытки решить эту проблему, все же ведутся. Дж. Вилдсон в статье

«Вред разжигания ненависти. Дебаты о свободе Слова» говорит о том, что: «... законодательство может быть необходимо, потому что нет никакой гарантии, ... что больше высказываний является эффективным ответом на ненавистнические высказывания» [6]. Если обратиться к тексту Национального доклада, то можно увидеть, что вопрос о расизме является актуальным, и проблемой продолжают заниматься: «...основное внимание уделяется поддержке ключевых заинтересованных сторон в разработке местных стратегий борьбы с расизмом и мер социальной интеграции в целях поощрения разнообразия» [5].

В США дипломатов, журналистов и других лиц, таких как преподавателей университетов, все чаще просили не использовать определенные слова и выражения, поскольку они политически некорректны и могут вызвать оскорбление, а использовать другие, политкорректные или более нейтральные слова.

«Политическая корректность» в наши дни учитывает все с точки зрения расы, класса и пола. Политическая корректность на самом деле является субъективным списком, составленным немногими, чтобы управлять многими, – списком вещей, о которых нужно думать и делать. Это ущемляет право человека устанавливать свои собственные убеждения и формирует опасный взгляд на мир, а именно, черно-белый.

В конце XX в. журналистам рекомендовалось избегать упоминания африканских «племен», потому что это оскорбляет многих чернокожих (которые чаще являлись «афроамериканцами»). Также не следовало употреб-

лять слово «еврейка». «Эскимосы» исчезают, потому что они не являются однородной группой и могут негативно относиться к термину «эскимосы». «Голландское угощение» и «голландское мужество» оскорбительны с точки зрения политкорректности [4]. Термин «глухонемой» тоже не следовало использовать. «Врожденные дефекты» рекомендовалось заменить на «врожденные недостатки».

В одном из изданий словаря колледжа Вебстера есть глава под названием «Избегание нечувствительных и оскорбительных выражений», в которой говорится о том, что необходимо избегать «подчеркивания различий между людьми» и «думать о языке как о способе исправления неравного статуса между одной группой и другой» [2].

Межличностное общение – это основополагающая категория жизни современного человека. Залогом успешного общения является не только знание словарного запаса и грамматики языка, но также знание культуры и норм устного общения, поскольку язык неразрывно связан с менталитетом его носителей, отражает процессы и явления, происходящие в обществе, образ жизни людей, их традиции, систему ценностей и мировоззрение.

Одним из важных факторов для установления успешного межличностного и межкультурного взаимодействия является использование выражений политкорректности в речи. Термин «политкорректность» регулярно употребляется в политической лексике современного Запада (от англ. *political correctness*) – культурно-поведенческая и языковая тенденция, нацеленная на замену устоявшихся терминов, могущих задеть чувства и достоинство того или иного индивидуума эмоционально нейтральными и/или положительными эвфемизмами [3].

Сегодня политическая корректность стала неотъемлемой частью межэтнических отношений во всем мире, в основном, в англоязычных странах. Политическая корректность является важной социокультурной и лингвистической категорией современного английского языка, знание которой жизненно необходимо для совершения успешной межкультурной коммуникации. В западных странах в наши дни, в виду активного про-

цесса миграции людей, постоянно используются ПК-выражения, так как только терпимость в высказываниях и действиях может обеспечить спокойное существование людей разных национальностей на одной территории. Эта проблема широко обсуждается в современной социолингвистике и находит свое выражение главным образом в работах известных американских экспертов, таких как А. Блум, Д. Соуза, Д. Тейлор. Русскими лингвистами данная проблема тоже изучалась. Такими учеными были А.В. Остроух, Ю.Л. Гуманов, С.Г. Тер-Минасова. В России исследователи начали заниматься проблемой политкорректности в конце 1990-х гг., и одним из первых, кто обратился к этой проблеме, был А.С. Остроух. Он утверждал, что это явление непосредственно связано с философией мультикультурализма.

Мультикультурализм – комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре, что ставит под сомнение существование национальной идентичности. Оно является отражением толерантности и неотъемлемым элементом социальных оценок. А.С. Остроух утверждал, что быть политкорректным — это «прежде всего, уметь говорить и писать на деликатные темы, балансируя между сохранением смысла и нежеланием обидеть собеседника или читателя, который, в свою очередь, принадлежит к определенной категории или меньшинству» [1].

Решению межэтнических и межкультурных проблем в США и Великобритании всегда уделялось особое внимание. В частности слово «негр» превратилось в современный вариант «афроамериканец», при этом с данным словом произошло ряд изменений. В 70-х гг. двадцатого века для латиноамериканцев был введен общий термин «Hispanics» – латиноамериканцы (от прилагательного латиноамериканский – испанский). Однако многие люди избегают использовать это слово, потому что понятие «латиноамериканцы» вызывает ассоциации с людьми с низким доходом, которые плохо ассимилируются в новом образе жизни. Вместо латиноамериканцев предлагаются *Latino/Latina, Chicano/Chicana, Spanish Americanare* – («латиноамериканцы», «испанские амери-

канцы», «американцы испанского происхождения»). Словосочетание “indigenous peoples” (вместо “natives”) имеет в русском языке эквивалент значению выражения «коренные народы», а “law enforcement”, в свою очередь имеет перевод «правоохранительные органы» [1].

Поскольку названия некоторых профессий изначально имели мужской род, в Америке люди стремились сделать их нейтральными с гендерной точки зрения. «Феминистские движения», как сказала С.Г. Тер-Минасова, «одержали крупные победы на разных уровнях языка и практически во всех вариантах английского языка, начиная с американского» [2]. Таким образом, образованное от Mrs. обращение Ms. «госпожа» по аналогии с Mr. «господином» не дискриминирует женщину, поскольку не определяет ее как замужнюю (Mrs) или незамужнюю (Miss). По словам С.Г. Тер-Минасовой «этот язык стал успешно применяться на официальном уровне и вошел в разговорный язык» [2]. Морфемы, указывающие на половую принадлежность, такие как суффиксы – man or –essare, вытесняются из языка, то есть могут полностью или частично заменяться.

Например, слово “spokesman” со временем было заменено на слово spokesperson, а слово со значением “fireman” стало “firefighter”, слово “cameraman” претерпело изменение и стало “camera operator”. Еще один пример, это слово “postman”, которое используется теперь как словосочетание “mail carrier” для того, чтобы полностью нейтрализовать какой-либо половой признак. “Stewardess” было заменено на гендерно-нейтральное словосочетание “flight attendant”.

Явление политкорректности затронуло все сферы человеческой деятельности. Социально-относимые эвфемизмы подразумевают термины, связанные с влиянием государства на жизнь людей и используются для того, чтобы не нарушать права человека. Сфера запретов включает использование оскорбительных прозвищ и неуместных шуток. Во многих американских колледжах на законодательном уровне запрещены различные виды дискриминации, а также употребление политически-некорректной лексики: “ableism” – угнетение людей с ограниченными физиче-

скими возможностями, “ethnocentrism” – дискриминация других культур, “heterosexism” – дискриминация людей нетрадиционной сексуальной ориентации, “lookism” – создание стандартов красоты и привлекательности и ущемление прав тех, кто им не соответствует [4]. Группа эвфемизмов, относящаяся к обозначению физического состояния человека, включает имена и характеристики людей, испытывающих физиологические и психические трудности, а также проблемы, связанные с возрастом и внешностью. Физически здоровых людей, с точки зрения политкорректности, следует называть «temporarily capable» – («временно дееспособными»). Слова “paralyzed”, “disabled”, “crippled”, “blind”, “deaf” («парализованный», «инвалид», «искалеченный», «слепой», «глухой») и подобные необходимо использовать таким образом, чтобы нейтрализовать неприятную окраску и снизить психологическое давление на человека, имеющего инвалидность [3]. Слова, указывающие на красоту, были запрещены как создающие эталоны красоты. Предпочтение прекрасного безобразному естественно для любой культуры и преследуется политкорректностью как проявлением “lookism”, то есть тип дискриминации по внешним признакам [4].

Слово “poor” в переводе «бедные» заменяется на политкорректное “economically disadvantaged”, то есть «экономически ущемленные, экономически неблагополучные». Для обозначения «безработный» раньше использовали “unemployed”, сейчас необходимо использовать “unwaged”, что в переводе означает «не получающий зарплату». Говоря о «трущобах» (“slums”) следует использовать выражение “substandard housing”, которое будет переводиться на русский язык как «жилье, не отвечающее стандартам». Вместо слова “foreigners” «иностранцы» необходимо использовать политкорректное “newcomers” «приезжие».

Таким образом, политическая корректность в английском языке употребляется в широком спектре, как правило, для того, чтобы избежать различных типов дискриминации, которые существуют в обществе. Большинство политически корректных выражений состоят из сочетаний с существительным в роли основного слова и сложных прилагательных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Остроух А.В.* «Политическая корректность» в США: культурологический аспект проблемы: автореф. дис.канд. филол. наук / МИГУ. – М., 2008. – 231 с.
2. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2010. – 624 с.
3. *Трофимова, З.С.* Словарь новых слов и значений. – М.: Павлин, 2013. – 367 с.
4. *Яницкая Л.К.* Английский язык в дипломатии и политике (English for diplomacy and politics: учебник). В 2 ч. Ч. 1. Уровень В2 / Л.К. Яницкая. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 228 с.
5. National Report Submitted in Accordance with Paragraph 15 (a) of the Annex to Human Rights Council Resolution 5/1. Geneva, 2011. 22 p.
6. *Waldron J.* (2012, 20 March). The harm of hate speech. Free Speech Debate. – URL:<http://freespeechdebate.com/discuss/the-harm-of-hate-speech/> (дата обращения: 30.10.2021).

POLITICAL CORRECTNESS IN THE ENGLISH LANGUAGE

MIKHEEVA Maria Igorevna

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies
Historical Archive Institute of the Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

The study of political correctness promotes awareness of the language role in society and helps in the framework of intercultural communication. There is no doubt that the main purpose of using political correctness in speech is to be attentive, tactful, show respect and care for people in general. The article discusses particularly common types of political correctness in speech.

Key words: political correctness, euphemisms, language, discrimination, vocabulary, tolerance, politically incorrect.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ НЕОЛОГИИ

ХУСНУЛЛИНА Юлия Арсеновна

кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики»
г. Самара, Россия

Данная статья посвящена вопросу типологической классификации неологии. Представлены типологии отечественных и зарубежных лингвистов. Автор приходит к заключению, что активное развитие неологии и неографии обусловлено возросшей потребностью своевременного лингвистического описания и лексикографической регистрации новых лексических единиц. Актуальность лингвистического исследования видится в современном подходе и всестороннем изучении различных аспектов неологии.

Ключевые слова: неология, неография, типы неологии, неологизация, неологизм.

В английской лингвистике теория неологии не оформлена в отдельную область лексикологии. Это объясняется тем, что, в отличие от других современных языков, где основная доля неологизмов представляет собой иностранные заимствования, по статистике в английском языке ежегодно прибавляется свыше 800 новых слов. Первостепенную значимость составляет регулярная фиксация новых лекси-

ческих единиц, а исследования основных проблем неологии требуют более трудоемкого и длительного процесса со стороны ученых. Тем не менее, большой вклад в исследование новой лексики внесли зарубежные ученые: Д. Алджео, К. Катлер, Г. Кеннон, В. Ли, Д. Симпсон, Ю. Найда, Д. Херберг и др.

Проведенный обзор трудов, посвященных вопросам неологии как средства расширения

лексического состава языка, позволяет заключить, что лингвисты различают разновидности неологии. Французский лингвист А. Рей выделил две составляющие ядра неологии – область морфологии, включающая семантическую структуру и синтаксическое строение, и область заимствований и прочих форм, менее мотивированных для носителей языка. Далее ученый различает три типа неологии: формальную (грамматические правила применяются к морфемному строю языка), семантическую (перечень определенных характеристик, свойственных всем неологизмам) и прагматическую (форма неологизмов определяется с учетом коммуникативных процессов) [4; 8]. По форме и содержанию различают словообразовательную неологию, которая изучает модели производства новых лексических единиц, «образцы «упаковки» нового содержания в известные формы» [2, с. 437]. Лексическую неологию подразделяют на денотативную (или деноминативную, когнитивную) и стилистическую. Денотативная неология занимается вопросами обозначения новых понятий и словопроизводства научных и технических терминов. А стилистическая неология изучает поэтическую составляющую неологизмов. Основные положения теории семантической и лексической неологии изложены в трудах зарубежных лингвистов – А. Doppagne, J. Bastuji, P. Guilbert, A. Goosse, A. Rey, F. Dougnac, V. Quemada.

Французские лингвисты Ф. Годен и Л. Геспен выделяют четыре типа неологии: языковую, регулярную, мотивированную и дискурсивную [7, с. 262]. Языковая неология построена на реализации принципа аналогии, и, как следствие, регулярной воспроизводимости, а также закономерности функционирования в системе языка. Продуктивность словообразовательных моделей и способов образования новых слов способствует частотности и регулярности воспроизведения неологизма. Эти вопросы охватывает регулярная неология. Мотивированная неология затрагивает степень мотивированности значения производного и производящего слова единой морфологической принадлежности, образованные по одной словообразовательной модели. Дискурсивная неология ка-

сается вопроса перехода потенциальных и окказиональных слов в неологизмы и их нормализации в словарном составе языка.

Е.В. Розен с позиций языковой культуры различает два вида неологии – необходимую и избыточную. Необходимая неология изучает неологизмы, обозначающие новые объекты, понятия, явления, технические изобретения и научные идеи. Под избыточной неологией понимают неологизмы, выступающие синонимами уже существующих обозначений, заимствования и т. д. [5, с. 61].

Термином «неология» принято определять как науку о новых словах, так и результат процесса неологизации – совокупность неологизмов [1, с. 31]. В отечественном языкознании отмечается наличие синонима к термину «неология»: «В настоящее время неологией (реже неологистикой) называют относительно молодую в языкознании отрасль, которая изучает ... неологизмы. А совокупность неологизмов называется неологией или неологической лексикой» [3, с. 243].

Активное развитие неологии повлекло за собой формирование новой научной практики – неографии (неологической лексикографии), занимающейся фиксированием и описанием новых языковых явлений. Основателями русской неографии принято считать Ю.С. Сорокина и Н.З. Котелову, чей вклад особенно важен и принес наибольшую практическую пользу для проектирования и составления словарей и справочников неологизмов различных жанров, отражающих концептуальные особенности подбора и описания новых языковых единиц. Однако направление в развитии лексикографии неологизмов впервые озвучил Л.В. Щерба: «Словарь живого литературного языка не представляет собой монолитной массы, раз навсегда или даже на некоторый период времени зафиксированной. Наоборот, он все время находится в движении: создаются новые слова, старые слова начинают употребляться в новых значениях, некоторые слова исчезают из употребления, частью совсем, частью лишь в идеях или иных своих значениях, активные слова становятся пассивными и обратно ... Бывают эпохи, подобные переживаемой нами, когда слова появляются и исчезают с калейдоскопической быстротой ... Совершенно оче-

видно, что каждый культурный народ должен следить за изменениями в словаре своего языка» [6, с. 74].

Важнейшими работами в области английской неографии принято считать словари Компании Барнхарт (The Barnhart Dictionary Companion, 1982-1991), словарь новых слов Дж. Грина (Green Dictionary by Colin R. Johnson, 1991), словарь новых слов Н. Магера (The Morrow Book of New Words: 8500 Terms Not Yet in Standard Dictionaries, 1982), Оксфордский словарь новых слов (The Oxford dictionary of new words: a popular guide to words in the news, 1991), в которых регистрируются новые слова и по возможности сопровождаются лингвистическими комментариями.

Формирование неологической лексикографии происходит значительно активнее, регулярно издаются словари и справочники новых слов и значений, а всемирно извест-

ные онлайн словари содержат отдельную категорию; напр., в Cambridge Dictionary это раздел *New Words*, в Macmillan Dictionary – *BUZZWORD*, в Merriam-Webster Dictionary – *New Words Dictionary*, в Oxford Learner's Dictionaries – *Recent Additions*, в Collins Dictionary – *Latest New Word Suggestions*.

Несмотря на то, что в настоящее время теория неологии не оформлена в отдельную область английской лексикологии, типологическому разнообразию неологии посвящено достаточное количество лингвистических исследований. Активное развитие неологии и неографии обусловлено возросшей потребностью своевременного лингвистического описания и лексикографической регистрации новых лексических единиц. Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что перспективы дальнейшего исследования мы видим в современном подходе и всестороннем изучении различных аспектов неологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алаторцева С.И.* Проблемы неологии и русская неография: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1998. – 317 с.
2. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 560 с.
3. *Маринова Е.В.* Основные понятия и термины неологии // Языки профессиональной коммуникации: материалы междунар. науч. конф. – Челябинск: Энциклопедия, 2003. – С. 243-247.
4. *Рей А., Делесаль С.* Проблемы антонимии в лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. XIV. – С. 260-300.
5. *Розен Е.В.* На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. – М.: Менеджер, 2000. – 192 с.
6. *Щерба Л.В.* О словарях живого литературного языка // Современная русская лексикография. – М., 1966. – С. 74-75.
7. *Gaudin F., Guespin L.* Initiation à la lexecologie française // De la néologie aux dictionnaires. Bruxelles, 2000. – P. 251-277.
8. *Rey A.* Essays on Terminology. – Amsterdam: Philadelphia, 1995. – 223 p.

TYOLOGICAL ASPECT OF MODERN NEOLOGY

HUSNULLINA Yuliya Arsenovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics
Samara, Russia

This article is devoted to typological classification of neology. Typologies of neology made by Russian and foreign linguists are presented. The author concludes that active development of neology and neography is due to the increased need for timely linguistic description and lexicographic registration of new lexical units. The relevance of linguistic research is seen in the modern approach and comprehensive study of various aspects of neology.

Key words: neology, neography, types of neologies, neologization, neologism.

РЕФЕРИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ КАК ОСНОВА УСПЕШНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ОБУЧАЮЩИМИСЯ В ВУЗЕ

ЯМЩИКОВА Надежда Юрьевна

ассистент кафедры иностранных языков

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского»

г. Брянск, Россия

В данной статье рассматривается подробный алгоритм реферирования иноязычной информации по специальностям и направлениям подготовки обучающихся вуза, анализируется пересказ как особый вид реферата, конкретизируется понятие реферативный перевод, перечислены основные требования к реферированию текстов. Также продемонстрирован разбор практического задания, позволяющий оценить преимущество реферирования над первичным иноязычным текстом.

Ключевые слова: реферирование, иноязычный текст, иностранный язык, первичный и вторичный тексты, реферативный перевод, пересказ иноязычного текста.

Ключевой составляющей обучения в учреждении высшего образования становится обязательное изучение иностранного языка, позволяющее обучающимся совершенствовать профессиональную коммуникацию и полноценно заниматься научной деятельностью, в том числе и на международном уровне. Опыт преподавания иностранного языка свидетельствует о том, что наиболее эффективными технологиями обучения иностранному языку являются реферирование и аннотирование иноязычных текстов, научных статей по конкретному направлению подготовки с использованием иноязычной литературы. Реферирование совмещает в себе два вида учебной деятельности – научную и речевую, поскольку происходит сначала расшифровка информации, изложенной в иноязычном тексте, а на следующей стадии происходит смысловая переработка представленного материала, что помогает обучающимся логично и последовательно излагать полученную информацию, а также приобретать навыки аудирования. Реферирования на сегодняшний день становится одной из наиболее действенных технологий в преподавании иностранного языка, так как сочетает в себе две функции – контролирующую и обучающую. Контролирующая функция состоит в том, что грамотка переработка текстовой информации свидетельствует о высоком уровне овладения иностранным языком и является критерием сформированности навыка грамотного чтения. Главным параметром оценки реферата является семантическое соответствие оригинального

материала, представленного изначально итоговому тексту после смыслового редактирования. Таким образом речь идет о смысловой эквивалентности первичной и вторичной информации. При анализе иноязычной информации обучающимся следует определить лексико-тематическую составляющую, вычленив основные текстовые единицы для последующего воспроизведения основной идеи перед аудиторией. Под тематическими компонентами подразумеваются главным образом существительные и прилагательные, поскольку несут в себе главную смысловую нагрузку первоначального варианта текста. Немаловажно умение заменить объемный речевой отрезок на лаконичное словосочетание, имеющее аналогичный смысл. На подготовительном этапе очень важно применять комплекс упражнений, направленных на совершенствование навыков понимания представленной информации. Это может быть разработка плана текста в формате ключевых слов и выражений, развернутые ответы на вопросы, аннотирование научной и методической литературы, составление тематических словарей с указанием транскрипции, написание эссе, выполнение творческих заданий по изученным темам для контроля успешного закрепления пройденного материала, разработка проектов, презентаций, работа с Интернет-ресурсами и т. д. [3, с. 186-187].

Основная стадия обучения подразумевает работу над текстами по выбранной специальности. После ознакомления с материалом обучающиеся используют полученные теоретические навыки и умения на практике по

написанию вторичного текста. Рекомендуется поэтапное выполнение следующего ряда упражнений: определить заголовки вторичного текста, выбрав наиболее подходящее ключевое слово или словосочетание; применить прием перифразы; выявить ключевые факты оригинального текста; сократить объем текста до минимума, устранив длинные словосочетания и заменив их более емкими по содержанию словами; составить ключевые тезисы текста.

В процессе реферирования текстов необходимо руководствоваться следующими требованиями: объективность, лаконичность, грамотность изложения, то есть обучающий должен с помощью обобщающих слов и выражений отразить все ключевые идеи оригинального текста, понятийный аппарат, логическую структуру, синонимы, позволяющие добиться максимального сжатия материала.

Процесс реферирования текст по специальности может быть как индивидуальным, так и групповым. Последний завершается тем, что обучающиеся представляют вниманию аудитории свои вторичные варианты текстов и выбирают наиболее оптимальный из предложенных вариантов, аргументируя свой выбор. Дальнейшая деятельность, направленная на формирование умений и навыков и предполагает работу обучающихся в индивидуальном порядке и в парах над иноязычными текстами.

Реферирование должно выстраиваться на четком понимании оригинального текста, и поскольку обучающиеся определяют основные тезисы содержания первичного текста, реферирование иноязычных текстов по специальности применяется в филологии и языкознании как один из наиболее действенных методов мониторинга усвоения прочитанного материала. Также реферирование предусматривает активизацию когнитивной деятельности обучающихся, в частности, развитие логического мышления и иноязычной коммуникации в устной и письменной формах. Скорость переработки текстовой информации отражает уровень овладения иностранным языком.

При написании реферата к тексту следует избегать нестандартных терминов и нетипичных языковых символов, при первом упоминании необходимо дать их подробную характеристику. Понятия, включенные в реферат более трех раз и значение которых по-

нятно из контекста, после первого использования рекомендуется заменить на аббревиатуры, которые при первом появлении в тексте взяты в скобки, а при последующем использовании – без скобок. В одном тексте не следует использовать более четырех-пяти аббревиатурных обозначений. Наименования учреждений, организаций приводятся в первоначальном виде. После наименования в скобках указывается страна, к примеру, HSBC Holdings (British) [5, с. 110-111].

Языковое поле реферата характеризуется наличием глаголов с семантическим значением типа «полагать», «рассматривать», «считать». Большая часть глаголов выступает в виде составляющих глагольно-именных словосочетаний, в которых главная смысловая нагрузка лежит на имени существительном, а назначение глагола состоит в обозначении действия предмета и трансляции грамматических значений: «оказывать (давление, помощь, сопротивление)», «достигать (результата, цели, предела)». Также рекомендуется отказаться от употребления сложных предложений и грамматических конструкций, а использование личных и указательных местоимений сократить до минимума. Для описания различных явлений могут применяться причастные обороты, обеспечивающие сжатие текстовой информации. В реферировании допускается цитирование из оригинального текста. Цитата всегда берется в кавычки и может быть указана после слов автора реферата, перед репликой автора реферата, слова автора реферата расположены в середине цитируемого текста или же цитата может быть непосредственно внесена в реплику автора реферата [2, с. 181-182].

В процессе преподавания иностранного языка преподавателю необходимо закрепить у обучающихся навык оформления заголовочного компонента реферата – название, автор, количество страниц, выходные данные, формулировать основную идею первичного текста, логически разбивать содержание материала на коммуникативные разделы и т. д. В языкознании существует такой термин, как «реферативный перевод». Он представляет собой сокращение основного содержания оригинального текста и его иноязычную трансляцию, а также смысловую редукцию первичного текста. Особым типом реферирования иноязычного текста является

его пересказ. Он формируется путем логического сжатия первичного материала и минимального изложения текстовой информации в устной и письменной формах с целью передачи его ключевого содержания. Общей чертой реферата и пересказа является смысловое изменение звуковых характеристик речевых элементов представляемого материала. В отличие от реферата в пересказе главным принципом является не содержание информации фактического характера, а формирование собственных суждений, интерпретация и оценка полученных сведений. Важно при пересказе не допустить логической деформации исходного текста, искажения смысловой нагрузки, упущении звеньев фактологической цепочки [6, с. 235-236].

Главной отличительной чертой реферата является информативность его содержания – ни один из типов второстепенных документов не раскрывает в полной мере ключевую идею первоначального текстового материала. Именно этот критерий реферирования дает возможность существенно сократить временные затраты при ознакомлении с первоначальными иноязычными текстами.

Автор несет персональную ответственность за качество реферата и соблюдение главных требований, предъявляемых при написании данной научной работы. Референт подписывает готовую работу, вносит свои инициалы и указывает дату написания реферата. Если заказчиком реферата является какое-либо учреждение или предприятие, то следует учитывать основные требования, предъявляемые к составлению реферата именно этим учреждением или предприятием [1, с. 74-75].

Рефераты могут быть классифицированы по содержанию первоначальной информации, по видам организации основного материала, по видам отдельных текстовых операций.

На практических и аудиторных занятиях по иностранному языку пересказ представляется одним из наиболее частых методов работы с иноязычным текстом. Поскольку точных параметров оценки воспроизведения иноязычного текста не предусмотрено, преподаватель, в большинстве случаев, руководствуется отсутствием лексических и грамматических ошибок. При этом фактический аспект пересказа оценивается весьма субъективно. В конечном итоге практической деятельности обучающегося формируется речевой продукт

схожий по коммуникативной функции с первоначальным текстовым материалом.

Рассмотрим реферирование иноязычного текста для обучающихся естественно-географического факультета на примере конкретного практического задания:

Read the text: «*The sailors are well aware of the place that is located east of the coast of Florida. ships come here to replenish fresh water supplies, which have been depleted during a long voyage. they take water from a bowl with a diameter of 30 meters, which lies in the sea among salty waters. This area of fresh water is formed by a source that is located at the bottom of the sea at a depth of 40 meters.*» **(Прочитайте текст:** «Морякам хорошо известно место, которое находится к востоку от побережья Флориды. сюда заходят корабли, чтобы пополнить запасы пресной воды, которые истощились за время долгого плавания. берут воду из чаши диаметром в 30 метров, которая лежит в море среди соленых вод. Эту область пресной воды образует источник, который расположен на дне моря на глубине 40 метров.»)

Реферат на основе данного материала может выглядеть следующим образом: «The text tells that sailors store fresh water from the bottom of the sea from a source with a diameter of 30 meters, located east of the coast of Florida at a depth of 40 meters». («В тексте рассказывается о том, что моряки запасают пресную воду со дна моря из источника диаметром 30 метров, находящегося к востоку от побережья Флориды на глубине 40 метров»).

Грамотно разработанный реферат по одному или нескольким иноязычным материалам становится наиболее эффективным методом для осмысления текстовой информации. Приступая к научной деятельности с иноязычными профессионально направленными текстами, следует различать реферирование как творческий процесс анализа текстового материала и аннотирование как компрессионный метод дескриптивного изложения материала, содержащегося в оригинальном тексте.

Написание реферата учит не только смысловому сжатию иноязычной информации с целью вычленения из него наиболее важной, значимой информации, но также способствует формированию навыков письменной речи, что немаловажно при ведении деловой переписки на иностранном языке, написании деловых пи-

сем, а в повседневной жизни – это возможность составить заявление, доклад, сочинение, служебную записку, отчет, аннотацию, рецензию. В связи с этим одним из приоритетных направлений преподавания иностранного языка в вузе становится развитие у обучающихся навыков работы с научной литературой на иностранном языке. Владение алгоритмом реферативного перевода дает возможность экономить время на сложный процесс дословного перевода текста [4, с. 97-98].

Исходя из вышеизложенного, делаем вы-

вод, что к отличительным чертам написания иноязычных рефератов необходимо отнести синтаксический объем оформления высказывания, частое использование пассивных форм, а также, безличных, неопределенно-личных конструкций, наличие аналитических предложений. Реферирование иноязычных текстов по специальности является наукоёмкой и в тоже время творческой деятельностью, подразумевающей смысловую компрессию информации, сжатое и обобщенное изложение сути материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Ю.Г.* Практикум по реферативному переводу для студентов старших курсов «Non multa sed multum» / Ю.Г. Алексеев, О.А. Егорова. – Ульяновск: УлГУ, 2014. – 92 с.
2. *Даминова С.О.* Обучение реферированию устных иноязычных сообщений в вузе лингвистического профиля. // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Выпуск 32. Том 1 / «Язык. Коммуникация. Перевод». Материалы XI Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. Москва. Военный университет. 30 июня 2017 г. / под общей ред. Н.В. Иванова. – М.: ИД «Международные отношения», 2017. – С. 178-184.
3. *Дубинина Е.Ю.* Компрессия научного текста: методы и модели: дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2013. – 276 с.
4. *Пикуцкая О.В.* Обучение реферированию устной речи (в процессе профессиональной речевой подготовки студентов нефилологических специальностей): дис. ... канд. педагог. наук. – Ярославль, 2011. – 224 с.
5. *Шаповалова Т.Р.* Реферирование и аннотирование специальных текстов на иностранном языке: учебно-методическое пособие / Т.Р. Шаповалова, Г.В. Титяева. – 2-е изд., испр. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2019. – 120 с.
6. *Шукин А.Н., Фролова Г.М.* Методика преподавания иностранных языков: учебник для студ. учреждений высш. образования. – М.: Издательский центр «Академия», 2015. – 288 с. (Сер. Бакалавриат).

REFERENCING OF FOREIGN LANGUAGE TEXTS AS THE BASIS FOR SUCCESSFUL LEARNING OF A FOREIGN LANGUAGE BY STUDENTS AT A UNIVERSITY

YAMSHCHIKOVA Nadezhda Yuryevna

Assistant of the Department of Foreign Languages
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky
Bryansk, Russia

This article discusses a detailed algorithm for abstracting foreign language information by specialties and areas of training of university students, analyzes retelling as a special type of abstract, specifies the concept of abstract translation, lists the basic requirements for abstracting texts. The analysis of the practical task is also demonstrated, which allows us to assess the advantage of abstracting over the primary foreign language text.

Key words: abstracting, foreign language text, foreign language, primary and secondary texts, abstract translation, retelling of a foreign language text.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

UDC 343.148

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION, APPOINTMENT AND PRODUCTION OF FORENSIC EXAMINATIONS IN CRIMINAL COURT PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND RUSSIAN FEDERATION

ASHIMOVA Dinara Ibragimovna

master of Law, Senior Lecturer

ZHAKUPOV Nurym Abzaluly

4th year student of the Faculty of Law and Economics

Zhansugurov's Zhetysu University

Taldykorgan, Kazakhstan

The article contains a comparative analysis of the normative legal regulation of forensic activities and procedures productions of forensic examinations in criminal court proceedings of the Republic of Kazakhstan and Russian Federation, reflecting the features of legislative regulation and law enforcement practice, formulated suggestions for enhance of modern criminal procedural legislation.

Key words: forensic activities; state expert institutions; organisational and procedural ground for the appointment and production of forensic examinations.

In the terms of development and improvement various kinds of technology, computerisation and informatisation of the society, not only appear a new criminal acts and new ways of committing traditional crimes, but naturally form new methods of expert studies, making it possible to solve previously inaccessible problems. In this regard, there is an increasing need for law enforcement agencies to use specialist knowledge in the investigation of criminal cases. Almost every second criminal case involves the appointment and carrying out of various types of forensic examinations. An analysis of investigative practice allows made a conclusion is in present traditional methods of committing crimes have undergone significant transformation, and that criminals are increasingly using information and communication technology to execute their criminal intent, therefore need for computer, video, phonographic and art forensic examinations growing. In criminal cases, involving economic crimes, economic and construction forensics continue to be in high demand. The effectiveness of using such type of evidence as expert opinion in crime investigation is directly proportional to the organisation of resource pro-

vision of expert activity, including financial, personnel and scientific and methodological components. In accordance with the Law of Republic of Kazakhstan dated 10th of February 2017 No. 44-VI «On forensic activities», forensic examinations are appointed in criminal cases as part of criminal proceedings in cases, where special knowledge of science, technology, art or craft is required to resolve arising issues of the investigation bodies or the court [3]. The appointment and conduct of a forensic examination is an investigative act that results in new knowledge in the form of an expert opinion. The detailed procedure for this action is regulated in the Criminal Procedure Code, so that the rules of criminal procedure must be consistent with the scientific and technical process in order to ensure effective evidence. However, analysis of the procedural norms of the legislation of the Russian Federation regulating the procedure for the use of special knowledge reveals some contradictions that prevent uniform interpretation and application.

In this article, we would like to consider in more detail the peculiarities of legal regulation of application of such forms of special knowledge as appointment and performance of forensic exami-

nation, conducting a comparative analysis of criminal procedural legislation of the Republic of Kazakhstan and Russian Federation.

For beginning, let us look at the notion of «special knowledge». The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (hereinafter – CPC of the RK) provides an unambiguous position on this issue. The CPC of the RK that has entered into legal force has quite a few innovations, one of which is the introduction of the definitions of «special knowledge» and «special scientific knowledge» [2]. Well, «special knowledge» means «knowledge not generally known in criminal proceedings, acquired by a person in the course of professional training or practical activities and used to solve tasks of the criminal proceedings» (clause 5 of article 7 of the CPC of the RK), and «special scientific knowledge» means «field of special knowledge, which content is scientific knowledge realized in the methods of forensic investigation» (clause 6 of article 7 of the CPC of the RK). The mentioned innovations, in our opinion, allow bringing clarity to the directions of special knowledge application.

Further on, as we continue to analyse the provisions of the CPC of the RK, we conclude that the introduction of concepts such as “special knowledge” and “special scientific knowledge” are inextricably linked to the terms “specialist” and “expert”. Thus, according to the legislator, an expert has special scientific knowledge (article 79 of the CPC of the RK), and a specialist has special knowledge (article 80 of the CPC of the RK). In that way, an expert performs expert examinations based on forensic investigation techniques, while a specialist uses his knowledge to solve other tasks of criminal proceedings.

It should be noted that, unlike the Kazakhstani legislation, it should be noted here that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter – CPC of the RF), and also the Federal Law «On state forensic activities in the Russian Federation» do not disclose this concept (article 9), moreover, in the CPC of the RF along with the term «special knowledge» (articles 57, 58, 195, 199) we can find the phrase «special cognition» (part 4 article 80), which leads to numerous discussions among scientists and prosecutors, as well as ambiguous interpretation law enforcers' side [1]. A.N. Petrukhina, for instance,

supposes that «instead of the words «special knowledge» it is necessary to use «special cognition», because only this concept allows us to fix in itself the procedural side of comprehension of the researched subject, the world as whole» [5]. Nevertheless, we share the opinion of scientists, who deems that the most correct term is “special knowledge”, justifying their position by the fact, that “cognition is a definite process of reflection and reproduction of objective reality in human thinking, accumulation of experience, assimilation of skills and acquisition of ability, while knowledge is a product of social-labour and thinking activity, already based on experience, skill and ability”.

The situation is somewhat different in Russian criminal court proceedings. According to the CPC of the RF, both the expert and the specialist have special knowledge, yet also the expert being appointed to carry out a forensic examination and give a legal opinion (article 57 of the CPC of the RF); forms of participation by the specialist results of assistance in locating, consolidating, seizing objects and documents; application of technical items in examining criminal case files; raising questions for the expert; and explaining questions to the court by sides within his professional competence (part 1, article 58 of the CPC of RF). The analysis of investigative-judicial practice leads make the conclusion, that the most common form of participation of a specialist in a criminal case is his involvement to assist in the effective conduct of investigative actions, as this function is the most expedient and meaningful.

It should, also be noted, that there is still no consensus in criminal court procedure of Russia, as to whether an educator, psychologist or doctor can act as a specialist or whether they are separate participants with their own rights and responsibilities.

In our view, the functions of the specialist are better, defined in the CPC of RK. Thus, in accordance with part 1 of article 80 of the CPC of the RK, a specialist is engaged to assist in the collection, investigation and evaluation of evidence by explaining to participants in criminal proceedings the issues within his special competence, as well as the use of scientific and technical means. The same rule unambiguously resolves the question

about procedural status of teachers and psychologists, who participate in investigative and other procedural actions involving minors, also doctors, who take part in investigative and other procedural actions, except when they are appointed, as experts, these participants acquire the rights and obligations of specialists.

Hence, in accordance with the criminal procedure legislation of Kazakhstan and Russia Federation, an expert and a specialist are engaged to perform specific functions. The results of their work can become types of evidence such as an opinion and testimony of expert and specialist's opinion and testimony. The classic form of using special knowledge is the appointment and production of a forensic examination.

The CPC of the RK regulates the form and content not only of the expert report (article 116 of the CPC of the RK) but also specialist's report (article 117 of the CPC of the RK). At the same time, these types of evidence are based on two different types of examination: forensic examination (expert's opinion) and examination, conclusions on questions, put to the specialist by the person conducting the criminal proceedings or by parties (specialist opinion). In our point of view, it is important that the specialist's opinion is not binding for the body conducting the criminal proceedings, however their disagreement with the opinion must be motivated (part 7 of article 117 of the CPC of the RK). All that remains is to understand the fundamental differences between these studies, but, according to a number of scholars, this distinction is a formal one.

Unlike the criminal procedure law in Kazakhstan, in Russia, under part 3, article 80 of the CPC of the RF, a specialist's opinion on the questions put to him by the parties, submitted in writing, serves as the specialist's opinion. Herewith, procedure for getting an specialist's opinion unlike procedure appointment and production (chapter 27 of the CPC of the RF), is not defined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation which justifiably causes difficulties for law enforcement agencies in using it as evidence during the investigation of criminal cases. Most commonly, in practice, the expert's opinion is, provided by the side of defence during the trial in order to cast doubt on the expert opinion. At the stage of the preliminary investigation, the in-

vestigator or inquirer either refuses to satisfy the defence's motion to attach the expert's opinion to the case file or questioning a specialist as a witness, so that the specialist's opinion loses its status as independent evidence. In addition, there is no consensus among procedural scholars and law enforcement officials interviewed as to whether a specialist conducts research to give his or her opinion. The CPC of the RF contains contradictory norms on this point. While, part 3 of article 80 of the CPC of the RF defines a specialist's conclusion as a judgement, part 3 of article 226.5 of the CPC of the RF as one of the features of evidence during the inquiry in abbreviated form establishes a norm, according to which, a specialist's opinion given by him as a result of examination during the verification of a crime, report acts as an alternative to an expert's opinion.

Thus, the question may arise again: is specialist's opinion capable to replace an expert's opinion in terms of its content? In this regard, E.A. Alimova, emphasizing the full evidentiary value of the conclusion of a specialist on a par with the conclusion of an expert, proposes to rename chapter 35 of the CPC of the RK and call it «Forensic expertise and investigation of a judicial specialist» [4].

E.A. Zaitseva emphasises that the activity of an expert is an integral part of the appointment and production of a forensic examination [6]. That is why that the issue of whether an expert is competent to carry out a particular forensic examination arises acutely. In practice, the pre-trial investigation authorities face a number of problems concerning organisational issues, regarding the appointment and conduct of judicial examinations. One of the main reasons is that the state forensic institutions cannot cope with the large volume of sorts and kinds of expertise assigned to them.

Thus, appeared a necessity to find a different approach to the procedure for paying for judicial examinations. In our view, rather interesting and at the same time ambiguous in this matter is the practice of the Republic of Kazakhstan, which has minimised the expenditure of the state budget on forensic examinations by the statutory opportunity to allow the side of defence to initiate conducting of forensic examinations. Accordingly with article 175 of the CPC of the RK, an expert who carries out his work in a criminal case may receive remuneration in an

amount determined by contract with a party, if he has carried out the work by arrangement with that party. Pursuant to part 11, article 272 of the CPC of the RK, the costs of the forensic examination must be borne by the person in whose interests the examination was carried out. On this basis, payment the expert's services at the preliminary investigation is not always possible by the state, which implies a certain budgetary savings, unlike in Russian law. In article 131 of the CPC of the RF, remuneration paid to an expert is classified, as a procedural cost and is reimbursed from the federal budget. In the course of analysing the norms of the CPC of the RK, a question may legitimately arise as to the credibility of the results of the forensic examination carried out under contract with the defence, which a priori cannot but pursue its interest in a positive resolution of the criminal case. Thus, articles 122 and 272 of the CPC of the RK contain detailed regulation of the right of attorney to participate in the collection of evidence by initiating, on a contractual basis, the appointment of a forensic examination and sending a request to the expert institution for its production in accordance with the contract. In this case, the authority in charge of the investigation may not refuse to appoint a forensic examination, except in situations where the questions submitted for its permission are not relevant to the subject matter of the inves-

tigation or the criminal case (part 2 of article 272 of CPC of the RK). It follows that, in criminal court proceedings of the Republic of Kazakhstan, the guarantees of the right of the defence to participate in the evidentiary process are much broader and more detailed than in Russian criminal proceedings. Thus, according to clause 3 of part 1 of the article 53 and part 2.1 of article 58 of the CPC of the RF, attorney may only engage a specialist to clarify matters within his professional competence, but at the same time article 198 of the CPC of the RF states that, when he familiarizes with the order to appoint a forensic examination, he has the right to apply for certain persons to be invited as experts or for an examination to be carried out at a particular expert institution.

In such a way, a comparative analysis of the legal regulation of certain aspects of the appointment and production of forensic examinations is an increasing need, which is caused by the progressive development of various spheres of activity in modern society. It enables us to conclude, that the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan not only clearer and more detailed regulates the application of special knowledge in criminal proceedings, but cardinal differs in its approach to the implementation of procedural forms of private interest, which is manifested, not only in the process of proof, but also in financial responsibility for participation in it.

REFERENCES

1. Criminal-procedural code of the Russian Federation from 18.12.2001 N 174-FZ (ed. From 01.07.2021, from ed. From 23.09.2021) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
2. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan from July 4, 2014 № 231-V (as amended and supplemented as of 04.09.2021) – URL: https://online.zakon.kz/Document/?Doc_id=31575852.
3. Law of the Republic of Kazakhstan from February 10, 2017 № 44-VI «On judicial-expert activity» (as amended on 01.07.2021) – URL: https://online.zakon.kz/Document/?Doc_id=37215312.
4. *Alimova E.A.* Problems of participation of a specialist in the modern criminal process of the Republic of Kazakhstan // Bulletin of criminologists. – 2019. – № 1 (69). – P. 59-66.
5. *Petrukhina A.N.* Conclusion and testimony of an expert and specialist as evidence in modern criminal proceedings in Russia: diss. ... Cand. jurid. science. – M., 2009. – P. 14.
6. *Zaitseva E.A.* The concept of development of the institute of forensic examination in the conditions of compulsory criminal proceedings. – M.: Yurlitinform, 2010. – 52 c.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021). – URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.09.2021 г.). – URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852.
3. Закон Республики Казахстан от 10 февраля 2017 года № 44-VI «О судебно-экспертной деятельности» (с изменениями по состоянию на 01.07.2021 г.). – URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37215312.
4. Алимова Э.А. Проблемы участия специалиста в современном уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник криминалистики. – 2019. – № 1(69). – С. 59-66.
5. Петрухина А.Н. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в современном уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 22 с.
6. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 52 с.

УДК 343.148

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АШИМОВА Динара Ибрагимовна

магистр юридических наук, преподаватель-лектор

ЖАКУПОВ Нурым Абзалулы

студентка 4 курса факультета права и экономики

Жетысуский университет им. И. Жансугурова

г. Талдыкорган, Казахстан

В статье проведен сравнительный анализ нормативной правовой регламентации судебно-экспертной деятельности и процедуры производства судебных экспертиз в уголовном процессе Республики Казахстан и России, отражены особенности законодательного регулирования и правоприменительной практики, сформулированы предложения по совершенствованию современного уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, государственные экспертные учреждения, организационные и процессуальные основы назначения и производства судебных экспертиз.

UDC 343.2

FEATURES OF MURDER INVESTIGATION

ZHAKUPOVA Gulim Abdoldaevna

master of Law, Senior Lecturer

BEISEBAEVA Arina Baqytzhankyzy

4th year student of the Faculty of Law and Economics

Zhetysu University named after I. Zhansugurov

Taldykorgan, Kazakhstan

This scientific article examines the forensic characteristics of murders as a combination of information about the typical methods of their commission, the situation, the traces, the socio-psychological characteristics of the victim and the killer, the relationship between the offender and the victim.

Key words: murder, traces, corpse, interrogation.

An important element of the criminalistic characteristics of murders is information about the methods of their commission. Murders, which consist in intentionally causing death to another person, are committed: by causing bodily injury (firearms, cold, explosive devices, various kinds of objects, feet); by poisoning, drowning, dropping from a height. The number of wounds and the area of their application may be different. If we consider the situation of their commission, it is worth noting that murders are committed most often indoors, in the evening, at night and in the morning.

Murder in the premises is often preceded by a situation of domestic showdowns, quarrels, fights, feuds (usually occur during the joint drinking of alcoholic beverages), outdoors – a situation of criminal showdowns, attacks with the purpose of rape, robbery.

The killers can be persons of both sexes, often men aged 16-55 years, women 20-35 years. In 90% of cases, murderers are somehow connected with their victim (wives, mistresses, lovers, husbands, friends, relatives). A third of male murderers are persons who have previously been convicted of various crimes. Murderers are usually people who have a low level of intelligence, have a low level of professional training, impoverished vital interests, are indifferent to someone else's life [1, p. 18].

The murder investigation methodology is a system of scientific provisions, technical means, tactical techniques, methodological rules and recommendations used in the disclosure, investigation and prevention of these most serious crimes. At all

times and among all peoples, murder was punished to the fullest extent of the criminal law – from years of prison and hard labor to the death penalty, which was often arranged in public, to intimidate some and to edify others.

The criminalistic characteristic of murders is defined as a system of interrelated generalized data on the most typical signs manifested in the method and mechanism of murder, the circumstances of its commission, the identity of the murderer and other aspects of this crime, information about which is important for the practical solution of the investigation tasks.

The criminalistic characteristics of murders are based on objective processes of commission and concealment of this crime, which determine the patterns of reflection of the signs of the deed in real reality. Its elements are:

1) *typical criminalistic situations of committing murders*. In this regard, there are murders with the use of explosives, firearms, poisons, stabbing objects; murders committed by organized criminal associations; in a fight; on transport; on sexual grounds; contract, disguised murders, as well as from selfish, hooligan motives; obvious murders and those that occurred in the absence of eyewitnesses, etc.;

2) *information about the subject of criminal encroachment*, which is a person's life; in this case, this element is practically obvious;

3) *information about the most common methods of committing murders*, which are inextricably linked to a specific situation and differ in a great variety in terms of tools, methods of their use, time, place, murder situation.

All types of firearms and cold weapons, explosives, explosive devices, toxic substances, etc. can be among the instruments of crime. The time and place are chosen by the criminal, as a rule, based on considerations of their own safety, the convenience of using the instrument of the crime, the location of the victim and other factors [2, p. 8].

Typical methods of committing murders are considered to be: inflicting fatal bodily injuries to the victim with various types of weapons; introducing a lethal amount of toxic substances into the body; bringing the victim into a helpless state or using this state to deprive him of life; dropping the victim from a height, throwing him out of a moving vehicle, etc.

The variety of ways of using the instruments of crime depends both on the nature of the instruments and on the time and place of their use. In some cases, the method of committing murder is chosen by the killer in such a way that a sufficient period of time has passed between the criminal act committed and the death of the victim, used by the killer to create false evidence of innocence;

4) *information about the typical personality characteristics of a criminal always refers* to the main elements of the criminalistic characteristics of this category of crimes. Two types of criminals are more or less clearly distinguished here. The first category is persons who have committed so-called domestic murders on the basis of family, office or domestic conflicts. These torts are usually characterized by a lack of preliminary preparation and taking measures to conceal the murder itself, its tools and traces. Often these acts are committed by persons who are not connected with the criminal environment, and in some cases positively characterized. After the murder, they can turn themselves in, and during interrogations they do not shy away from giving truthful testimony and do not interfere with the activities of the investigation [3, p. 25].

The second kind of murderers is a much greater social danger, because they encroach on a person's life with premeditated intent according to a carefully developed plan, pursuing selfish, hooligan or other base goals. Among them there are repeat offenders who have made it their profession to commit robberies, assaults,

murders, banditry and other dangerous crimes.

5) *typical traces of a crime are*, first of all, material traces left on the victim of the crime from the murder instruments, for example, traces of an explosion, bullets or shot, etc., the corpse of the victim; instruments of the crime; traces of the perpetrator's presence at the murder scene, etc. Ideal traces are those images that arise in the minds of eyewitnesses in connection with their perception of the circumstances of the murder.

A murder case is initiated upon the discovery of a corpse with signs of violent death or disappearance of a person under circumstances that suggest his violent death. If there is not enough data to suggest the murder of a missing person, then the investigator, with the help of police officers, checks the message about the unknown absence of a citizen [4, p. 81].

His whereabouts are being investigated: a) at the place of work – whether he has become a victim of industrial injuries, whether he has been sent on an urgent business trip; b) in police departments – whether he has been detained, arrested for any offense; c) in temporary detention facilities for detainees and arrested; d) in medical detox centers; e) in hospitals – whether he has been placed on inpatient treatment; f) in an institution for organized recruitment of labor – whether he has received a referral to work in another city; g) at the military commissariat – whether the disappeared person has been drafted into the army without notifying relatives about it; h) at relatives and friends – whether he is temporarily staying with them without informing his relatives about it; i) at the morgue – whether there is an unidentified corpse there. In relation to the disappeared child, inspections are carried out in orphanages, reception centers, and in relation to physically disabled and old people, respectively, in homes for the disabled and the elderly.

The check should be thorough enough to give reliable knowledge about the presence or absence of grounds for initiating a criminal case. So, the fact of death due to illness must be accurately established by surveys of the deceased's relatives, a doctor's certificate, documents of a medical institution. When reporting the discovery of a missing person, it is best to see this firsthand.

A decision to refuse to initiate a criminal case can be made only if it is absolutely certain

that there was no murder of a certain person. In the resolution, it is necessary to give sufficiently convincing reasons for refusal and send a copy of it to the person who applied to the law enforcement agency with a statement about the murder [5, p. 38].

If the results of the check are negative and there are no reasons for the secret departure of the wanted person, there is a basis for initiating a case of his murder. It should be remembered that the untimely initiation of a criminal case is fraught with very negative consequences. A murderer who remains at large is able to destroy traces of what he has done, commit another serious crime. Traces can change irreversibly under the influence of unfavorable external forces. The circumstances of the crime, perceived by witnesses, can be largely erased from their memory. Timely and reasonably justified initiation of a case is one of the necessary conditions for a successful investigation.

Examination of the scene of the accident and the corpse first of all makes it possible to understand the general nature of what happened, whether the corpse is in an open area, for example, on the territory of a settlement, on the street, in the yard, in a vacant lot, in a field, meadow, forest, or indoors (in an apartment, corridor, stairwell, attic, etc.). It is necessary to pay attention to the absence or presence of signs of the criminal's forcible entry into the premises, traces of struggle and self-defense that preceded the murder, take measures to detect the tools with which it was committed, the consequences of their use, for example bullets, cartridges, shot, buckshot, wads, gunshot wounds, traces of poison in food, beverages.

Important objects of search and analysis during the examination are traces - displays of the criminal – his hands, feet, teeth, clothing fabric, etc., as well as body secretions: blood, semen, saliva, sweat, nasal mucus. Valuable finds can be things dropped, lost, abandoned by a criminal: items of clothing, a headdress, things with tags, numbers of consumer service enterprises; a tag with the mother's name tied to the arm of a newborn corpse, tags and stamps on underwear (in cases of infanticide); a belt buckle, a button, a comb; a postal envelope with the addresses of the recipient and sender; note, travel card, etc.

During the examination, signs may be found indicating the following circumstances:

a) *about the time of the criminal event*: the location of the hands of the stopped clock on the victim's hand or in his home; the soil dry or wet after the rain under a corpse in an open area; electric lighting turned on (the murder was most likely committed at night); hot, warm oven or food, wet towel, dried saliva on cigarette butts (the murder was allegedly committed recently); the date on the last issue of the newspaper, an unopened calendar sheet (the crime was committed not earlier than this date);

b) *about the number of criminals*: the number of cutlery on the table (in cases when the murder was preceded by eating, alcohol), traces of different shoes, cigarette butts, different types of cigarettes, the manner of smoking (crumpling the cigarette holder, etc.);

c) *about some of the signs and properties of the killer*: unusual actions with a corpse, for example, an attempt to set fire with the help of unsuitable means, the theft of clothes that are of no value, senseless mockery of a corpse, its aimless movement from one well-marked place to another of the same, dismemberment of a corpse into very small parts (murder is allegedly committed by a mentally disabled person); causing multiple injuries to various parts of the body (murder is allegedly committed by a very cruel person or a person who has served a significant term of imprisonment);

d) *prior to the murder of action*: the presence on the table, tableware, food, alcoholic beverages (probably had a feast); a tape player (listening to music, dancing), etc.

e) *the re-enactment of the murder of a suicide*, accident, natural death of the victim shows signs of inconsistent with natural causes or an accident, for example, a considerable distance from the walls of the house, from the balcony which supposedly fell victim, the presence of two ligature marks on the neck of the victim, etc.;

f) *about the motive of the murder*: cracked drawers, open closet doors, discarded valueless items (the murder was allegedly committed in connection with the seizure of money, securities, things); removed, torn garments of the victim, signs of sexual intercourse (the murder was apparently committed in connection with rape); the presence of a large amount of damage to the victim, the destruction of valuable items (the

murder was probably committed on the grounds of revenge);

g) *the discrepancy between the murder site and the location of the corpse* is evidenced by traces of dragging (on the ground and the corpse), the absence of soil particles on the victim's shoes, traces of vehicles, the presence of a device for carrying the corpse, the absence of a puddle of blood with extensive bodily injuries (the murder was committed not where the corpse was found).

Forensic medical examination has as its objects corpses, cadaveric materials, trace-forming secretions of the human body, living persons (suspect, accused). With its help, three series of questions concerning the victim, the circumstances of the murder and the criminal are solved. One of the pri-

orities is the question of the cause of death: was it natural or violent. In the latter case, it turns out that it followed as a result of the impact of blunt objects, cutting, stabbing, piercing-cutting tools, or was the result of strangulation (with a loop, hands, closing the breathing holes with a soft object, squeezing the chest, abdomen); poisoning, drowning, dropping from a height, exposure to technical electricity, radio emission, too high or excessively low temperature [6, p. 18].

It also clarifies the mechanism of causing death, the sequence of infliction of bodily injuries; how the perpetrator and the victim were mutually located, the victim's posture at the time of the murder, the time of death, whether the place of discovery of the corpse coincides with the place of murder of the victim, etc.

REFERENCES

1. *Agybayev A.N.* Criminal law. Special part. – Almaty, 2016. – 696 p.
2. *Boyko Yu.L.* Features of the collection of primary materials containing criminally relevant information, when proving individual structures of perpetration: study Yu. Boyko [and others]. – 2nd ed., Trans. – Barnaul: Barnaul Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. – 48 p.
3. *Kaceinov B.* Some questions of the improvement of the procedural law // *Zaңger, Vestnik of the law of the Republic of Kazakhstan.* – No. 7(204). – 2018. – С. 15-18.
4. *Kushnirenko S.P., Pristanskov V.D., Nizamov V.Yu.* Criminalist. (Bakalavriat). Workshop. – М.: Justice, 2019. – 176 p.
5. *Shalagin A.E., Sharapova A.D.* Criminological characteristics and prevention of female crime // *Bulletin of Economics, Law and Sociology.* – 2016. – No. 4. – PP. 2020-204.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агыбаев А.Н.* Уголовное право. Особенная часть – Алматы, 2016. – 696 с.
2. *Бойко Ю.Л.* Особенности сбора первичных материалов, содержащих криминалистически значимую информацию, при доказывании отдельных составов преступлений: учебное пособие / Ю.Л. Бойко [и др.]. – 2-е изд., перераб. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. – 48 с.
3. *Касинов Б.* Некоторые вопросы совершенствования процессуального законодательства // *Заңгер, Вестник права Республики Казахстан.* – № 7(204). – 2018. – С. 15-18.
4. *Кушниренко С.П., Пристансков В.Д., Низамов В.Ю.* Криминалистика. (Бакалавриат). Практикум. – М: Юстиция, 2019. – 176 с.
5. *Шалагин А.Е., Шарипова А.Д.* Криминологическая характеристика и предупреждение женской преступности // *Вестник экономики, права и социологии.* – 2016. – № 4. – С. 2020-204.

УДК 343.2

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ

ЖАКУПОВА Гулим Абдолдаевна

магистр юридических наук, преподаватель-лектор

БЕЙСЕБАЕВА Арина Бақытжанқызы

студентка 4 курса факультета права и экономики

Жетысуский университет им. И. Жансугурова

г. Талдыкорган, Казахстан

В данной научной статье рассматривается криминалистическая характеристика убийств, которая представляет собой сочетание сведений о типичных способах их совершения, обстановке, следах, социально-психологической характеристике потерпевшего и убийцы, связях между преступником и жертвой.

Ключевые слова: убийство, следы, труп, допрос.

UDC 343.1

CONCEPT AND SIGNS OF ENVIRONMENTAL CRIMINAL OFFENSES

SAILAU Meruert

3rd year student of the faculty of law and economics

KONYSBEKOVA Makpal Rymkulovna

master of Law, Senior Lecturer

I. Zhansugurov's Zhetysu University

Taldykorgan, Kazakhstan

This article examines the concept of «environmental offense» by making a comparative analysis of the opinions and definitions of this term by various domestic and foreign scientists. Also, the structure of environmental offenses is considered: object, subject, objective and subjective sides, and also analyzes the classification of environmental offenses.

Key words: environmental crime, environmental law, civil offenses, administrative offenses.

For the first time, the concept of «Ecology» was introduced into scientific circulation by E. Haeckel in his work «general morphology», published in 1866. The word itself has long been used to refer to the subject of Natural Science – a branch of biology that studies the interaction of living organisms with the environment.

In recent years, the concept of «Ecology» has begun to give a social meaning. This was caused, first of all, by the deterioration of the living environment under the influence of people's personal life, changes in the nature of production activities, the emergence of new views on the problems of consumption and use of Natural Resources, etc.

Environmental criminal offenses cause harm to the natural environment, that is, a person should treat nature as his environment with care and consider it as one of the values that he effectively uses. At the same time, it is a source of further strengthening and development of the socio-economic basis of the population, society, and the state. Natural wealth is the property of the entire people of Kazakhstan, so it must be protected from encroachment on the interests of this people.

The vast majority of norms establishing liability for environmental criminal offenses form a blank disposition. Because it is often closely related to the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan (adopted on January 9, 2007) [1], the code of administrative offences of

the Republic of Kazakhstan (adopted on July 5, 2014) [3]. Chapter 13 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan (adopted on July 3, 2014) [2] is devoted to environmental criminal offenses. This is due to the advantages and values that are particularly important for protecting environmental safety in Kazakhstan.

Environmental security should be understood as a state of protection of the vital interests and rights of a person, society and the state from threats arising as a result of anthropogenic and other environmental impacts.

The conclusion of Professor I.Sh. Borchashvili deserves special attention: «any state striving for progress and civilization should first of all take care of the physical, mental and moral health of its citizens, since the quality of the population's gene pool directly depends on these factors. A state that evades solving this problem has no future» [5, p. 126].

One of the main issues in criminal law is the definition of the concept of a criminal offense. A criminal offense is also a manifestation of a certain act (act or omission) of a person at all times. Coming to such conclusions, the legislator emphasizes that a criminal offense is an external manifestation of the behavior of a particular action (action or omission) of a person at all times. Such illegal, socially dangerous behavior of a person should be reflected through his thinking system on the basis of certain actions (actions or omissions). Otherwise, unrealized thoughts and opinions that are not reflected on the basis of real actions, no matter how dangerous they are, are not a criminal offense.

For example, a citizen M., who is glad that new snow has fallen, thinks that it is necessary to go on a gazelle hunt, but when he remembers that his gun is broken, he refuses to go. According to this example, the idea of committing an illegal, socially dangerous act arises in M.'s mind, but he did not realize this idea.

Illegal behavior of a person can be in a state of active action or passive inaction. An act means that a person commits actions prohibited by criminal law. For example, A. Ospanov and D. Rustemov are engaged in illegal hunting. They shot saigas listed in the Red Book and were detained by employees of the enterprise «Okhotzaprom» on their way back. Arman

Ospanov sets fire to the car, during the investigation, 2 gun horns of 16 saigas and 3 Antelopes were found in the car. As for this example, the above-mentioned two citizens committed acts in accordance with subparagraph 2 of Part 4 of Article 337 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Such actions include planning in advance to shoot animals (saigas) listed in the Red Book, Finding a hunting rifle, preparing a special car, going out to shoot saigas in a special car, shooting saigas, cutting off their horns, putting the body of 3 saigas in a car for some purpose, etc.

Inaction is the failure of a person to perform the duties assigned to him / her on the basis of laws, regulations, instructions or special decrees, orders. Most environmental criminal offenses are committed by action. However, there are also compositions created by inaction. For example, the finndisp paint plant in the village of Irkol in Kyzylorda has not cleaned the waste produced for 6 months. As a result, 13 residents of the village of Irkol suffered from respiratory diseases, which caused moderate damage to their health. During the environmental inspection, it was established that the paint residues were caused by flying into the air, and the head of the plant Baigali Sanzhar was brought to justice. In this case, according to Paragraph 2 of Article 343 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, the director of the plant is considered to have failed to perform the duties assigned to him, showed inaction due to the fact that he did not carry out disinfection, that is, the destruction of paint residues at the site exposed to environmental pollution.

The signs that are characteristic of any type of offense are also characteristic of environmental criminal offenses. The relevant articles of Chapter 13 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan specifically specify certain elements of crimes. In criminal law, the commission of a criminal offense of actions of a specific composition, we call illegal. This means that an act that is considered a criminal offense must be reflected in the criminal law (or the specified act must be carried out and suffered in the specified amount), otherwise any illegal act of a person is not considered a criminal offense. Among the areas where the ecology of the West Kazakhstan region is not criticized. Recently, air pollution has

increased several times from the normal level. As a result, a special check was carried out. During the inspection, the person who violated the requirements of environmental legislation was brought to criminal responsibility. Director of «Munayavtotrans» LLP A. Mukanov said that from 2017 to 2019, waste from drilling was dumped in nearby settlements. Grossly violated the rules related to the liquidation of oil residues. As a result, toxic gases spread in the air. According to the results of the inspection, it was decided to cause environmental damage in the amount of 537 thousand tenge. It is easy to see that this offense is not recognized as a criminal offense if it is qualified in accordance with Article 329 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Since the content of Article 329 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan is material, that is, the amount of damage caused in accordance with subparagraph 38 of Article 3 of the Code must exceed one thousand MCI. The amount of damage caused has not been reached, this offense should be considered by administrative law.

A qualitative sign of a criminal offense is its public danger. Public danger is expressed in causing damage to any interests protected by criminal law. It harms social relations (in our case, environmental relations), which do not depend on the consciousness or will of the legislator, and in its inner essence contradicts the conditions of the normal existence of society and the state. Without describing the consequences that make it possible to attribute the act to socially dangerous and criminal offenses, the legislator indicated in different ways. As for environmental criminal offenses, in some articles (art 324, 325, 326, 328, 329, 330, 332, 333, 334, 335, 337, 338, 340, 341) In the norm itself, major damage is understood as major damage (1000 MCI), particularly large damage (20,000 MCI), significant size (the amount exceeding 100 MCI), damage to health. And in Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation under serious consequences, Article 336 of the Criminal Code of the Russian Federation-harm that led to the mass death of fish and (or) aquatic animals, the legislator does not specify. In this case, the determination of the specified amount of damage is decided

depending on the facts committed in specific conditions. For example, a veterinarian may, as a result of carrying out and exceeding the appropriate number of tick poisoning, lead to the death of a person (two or more) or, conversely, lead to infection and mass illness of people due to untimely poisoning.

Criminal law requires that a socially dangerous, illegal act committed (may be committed) must be a guilty act. Guilt-the mental attitude of a person to a socially dangerous, illegal act committed or committed by him. The psychological content of guilt occupies the main place that characterizes the guilt of a person. Its components are called consciousness and will. A change in the relationship of consciousness and will forms a form of guilt. The relationship between consciousness and will, in which the form of guilt characterizes the attitude of the person who has committed (committed) a crime stipulated by criminal law to the act committed (committed) by him. Criminal law provides for two forms of guilt: intentional and negligent. Environmental criminal offenses are most often committed by two forms of guilt, that is, by negligence in relation to the consequences caused, if they intentionally violate certain environmental requirements, rules of operation. there were also elements of environmental criminal offenses that have only one form of guilt. For example, Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation «Illegal hunting». A person who has committed illegal hunting is aware of the illegality of his actions, anticipates and wants to cause harm to the environment, or deliberately allows it. So, the fault is committed in an intentional form.

In criminal law, an act recognized as a criminal offense is subject to mandatory punishment. Punishment is a measure of state coercion imposed on behalf of the Republic of Kazakhstan. The main feature of punishment in criminal law is the type of criminal offense the presence of a criminal record for committing a crime. The penalty is provided for in the relevant articles of Chapter 13 on environmental criminal offences. In addition to the main types of punishment for environmental criminal offenses, such as imprisonment, restriction of liberty, involvement in public works, there are also additional types, such as confiscation of

property, deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities.

Thus, environmental criminal offenses are understood as actions (Action or inaction), guilty (guilty), socially dangerous encroachments, Prohibited under the threat of punishment to public relations provided for by the legislation of the Republic of Kazakhstan regulating the sphere of the environment protected by criminal law.

The legislative framework of the criminal law norms regulating responsibility for an environmental criminal offense consists of the ideas provided for in article 31 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan:

1. The State aims to protect the environment that is favorable for human life and health.

2. Concealment by officials of facts and circumstances that threaten the life and health of people, entails liability in accordance with the law [3]. Environmental criminal offense-an illegal, socially dangerous, culpable act or omission established by criminal law and encroaching on the

environment and its individual types, causing damage to public relations that ensure the protection of the environment, the rational use of its resources and the environmental safety of society [4, p. 128].

The public danger of environmental criminal offenses is recognized as causing harm to human health due to the destruction or qualitative deterioration of the biological basis of nature.

The legislator, taking into account the special importance of environmental safety in society, considers that the tasks of protecting the environment from criminal encroachments are included in article 2 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan as one of the mandatory ones.

Environmental criminal offenses are recognized as acts that damage relations of environmental safety, cause harm to the environment, cause harm to human health or life, violate public relations, socially dangerous, criminally illegal, guilty, criminally punishable.

LITERATURE

1. № 212 Environmental Code of the Republic of Kazakhstan dated January 9, 2007 (as amended and supplemented on 30.05.2020). – URL: http://adilet.zan.kz/eng/docs/K070000212_ (date of access: 11.11.2021).
2. On administrative offenses of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2014 № 235-V RKZ (as amended and supplemented on 10.06.2020). – URL: <http://adilet.zan.kz/en/docs/K1400000235> (date of access: 11.11.2021).
3. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 № 226-V RK (as amended and supplemented on January 10, 2020). – URL: <http://adilet.zan.kz/eng/docs/K1400000226> (date of access: 11.11.2021).
4. *Agybayev A.N.* Criminal law: Special part: textbook. – Almaty: Seven Charters, 2015. – 608 p.
5. *Borchashvili I.Sh.* Commentary to the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. General part (Volume 1). – Almaty: Seven Charters, 2015. – P. 126-139.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экологический кодекс Республики Казахстан от 9 января 2007 года (с изменениями и дополнениями от 30.05.2020). – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K070000212_ (дата обращения: 11.11.2021).
2. Об административных правонарушениях Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-В РК (в ред. От 10.06.2020). – URL: <http://adilet.zan.kz/ru/docs/K1400000235> (дата обращения: 11.11.2021).
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года №226-В РК (с изменениями и дополнениями от 10 января 2020 года). – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 11.11.2021).
4. *Агыбаев А.Н.* Уголовное право: Особенная часть: учебник. – Алматы: Семь хартий, 2015. – 608 с.
5. *Борчашвили И.Ш.* Комментарий к Уголовному кодексу РК. Общая часть (Том 1). – Алматы: Семь хартий, 2015. – С. 126-139.

УДК 343.1

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

САЙЛАУ Меруерт

студент 3 курса факультета права и экономики

КОНЫСБЕКОВА Макпал Рымкуловна

магистр юридических наук, преподаватель-лектор

Жетысуский университет им. И. Жансугурова

г. Талдыкорган, Казахстан

В настоящей статье рассматривается понятие «экологического правонарушения», путем произведения сравнительного анализа мнений и определений этого термина различными отечественными и зарубежными учеными. Также, рассматривается структура экологического правонарушения: объект, субъект, объективную и субъективную стороны, а также анализирует классификацию экологических правонарушений.

Ключевые слова: экологическое преступление, экологическое право, гражданско-правовые правонарушения, административные правонарушения.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭКСКУРСИЯ КАК ФОРМА ВОСПИТАНИЯ НРАВСТВЕННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ»

ВОРОБЬЕВ Дмитрий Олегович

старший преподаватель кафедры истории Отечества

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет»

г. Оренбург, Россия

В современном вузе учебно-воспитательная деятельность выходит на новый уровень. Во многом это связано с глобализацией образования – речь идет о появлении иностранных факультетов в российских вузах. Формирование качественно новой формы оказания образовательных услуг – международной, вызывает необходимость адаптации учебных планов под особенности обучаемого контингента и потребность переосмыслить методы воспитательной работы с учетом культурных и образовательных особенностей студентов. Экскурсия позволяет раскрыть потенциал воздействия учебно-воспитательной работы при изучении истории.

Ключевые слова: экскурсия, музей, иностранные студенты, рефлексия, нравственная устойчивость.

Учебно-воспитательная деятельность является основной для преподавателя вуза: он обязан проводить воспитательные мероприятия в рамках своей деятельности с целью освоения обучающимися общих компетенций. Для преподавателя-историка одной из основных форм воспитательной деятельности является экскурсия. Упрощенно говоря, цель

экскурсии – ознакомление с экспозицией того или иного музея. Тем не менее, такое понимание экскурсии как единичной педагогической техники нивелирует функционал этого ценного метода: для студента не только остается непонятна смыслодержательная структура экспозиции, т. е. не формируются предметные компетенции, но и складывается индиффе-

рентное отношение к изучаемому предмету, снижается учебная мотивация. Экскурсия воспринимается студентами, как скучное обязательное мероприятие, и теряет свой учебно-воспитательный потенциал.

Особую трудность для преподавателя представляют иностранные студенты. Во-первых, необходимо владение иностранным языком на достаточно высоком уровне, что имеется зачастую лишь у небольшого числа преподавателей. Во-вторых, во многих вузах преподавание истории начинается на первом курсе. Это означает, что ввиду необходимости адаптации к климатическим и бытовым условиям, которая отнимает значительную долю ресурса студентов, иностранные обучающиеся длительное время могут с большим трудом воспринимать культуру той страны, в которую они прибывают. Это приводит к серьезным трудностям, связанным с тем, что интеллектуальные и физические ресурсы студентов истощаются в силу одновременно воздействующей необходимости прохождения учебных и воспитательных мероприятий, что приводит к сильному культурному шоку. Культурный шок накладывается на сложности социализации и восприятия климата. В-третьих, для многих стран дальнего и ближнего зарубежья не характерно преподавание гуманитарных предметов, в особенности, истории [1; 2; 5]. Данный факт обуславливает отсутствие мотивации студентов к изучению гуманитарных дисциплин, в том числе в виде учебно-воспитательных мероприятий, и освоению культуры принимающей страны в целом. Студенты считают изучение гуманитарных предметов, тратой своего времени, не видя объективного смысла в их изучении в рамках профессиональной подготовки. Сложности в преподавания истории для иностранных студентов также связаны с тем, что большинство иностранных студентов не понимают необходимости изучения истории России, так как с Россией они себя не связывают и знают, что после окончания своего обучения они уедут к себе на родину. Для иностранных студентов сложно разделять ценности российской культуры. Например, им сложно воспринимать важность таких дат, как 9 мая 1945 г. – День Победы или исторически ориентированный праздник

4 ноября – день соборности и согласия. Те события, которые произошли в России и имеют для ее истории значение, для них чужды и непонятны, поскольку никак не относятся к истории их стран. Героические подвиги русских воинов не несут для иностранных студентов никакой ценности, поскольку они защищали русские семьи и будущее России. Основы патриотизма, прежде всего связанные с субъективным эмоциональным и ценностным отношением к истории своей страны, закладываются в детстве и подвергаются незначительным изменениям в более зрелом возрасте. Это во многом объясняет сложности, с которыми сталкивается преподаватель истории иностранного факультета – он может воспитать только уважение к историческому пути другой страны, но не любовь, понимание и поклонение героическому прошлому. Восприятие воинских подвигов, значимых исторических событий России иностранными студентами возможно только в контексте совершенствования абстрактного мышления студентов, их логики, обнаружения и развития причинно-следственных связей. История для них – это разрозненное собрание фактов, и задачей педагога-историка в случае иностранных студентов становится формирование основ исторического и диалектического мышления. Поэтому в условиях обучения студентов, не имеющих базисного гуманитарного образования, необходимо акцентировать внимание на особых методах учебно-воспитательной деятельности, в том числе, на экскурсии [3, с. 48; 4, с. 35].

Дисциплина «История» (а также «История Отечества», «История России», «Мировая история» и т. п.) обладает возможностью повлиять на адаптацию студентов к изменению их жизненной ситуации. Адаптация студента во многом зависит от его нравственной устойчивости, сформированности моральных устоев и ценностей. Экскурсия, как один из важнейших уровней взаимодействия преподавателя и студента, действует как механизм трансляции нравственного кода страны и города проживания, помогая студентам подстроить свою систему взглядов под окружающее бытие. Практическое наполнение экскурсии позволяет разнообразить аудиторные занятия, закрепить наиболее важные компетенции дисциплины, и,

что немаловажно, разгрузить студентов. Живое общение между преподавателем и студентом усиливает уровень доверия между ними, положительно влияет на повышение уровня знания иностранного языка и коммуникации в целом, улучшает психологический климат в группе студентов.

Таким образом, экскурсия не только непосредственно знакомит иностранного студента с живой историей и культурой страны и города его обучения, но и укрепляет его нравственные

основания за счет диалога с преподавателем и понимания параллелизма культур, позволяющего с меньшим стрессом воспринимать изменения в окружении студента.

Подытоживая рассуждения, можно заключить, что преподаватель истории, проводящий экскурсии, осуществляет важнейшую работу по сохранению и укреплению нравственности иностранного студента, способствует адаптации и психологическому комфорту обучаемого контингента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башмакова Н.И., Рыжова Н.И. Поликультурная образовательная среда: генезис и определение понятия // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12635>. (дата обращения: 02.04.2021).
2. Кондратенко Е.В., Рыбаков А.В., Андреева И.Н. Краеведческий музей как средство формирования этнокультурной компетентности в поликультурной студенческой среде // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 6. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=25548> (дата обращения: 02.04.2021).
3. Константинова В.В. Потенциал музейной педагогики в образовании и воспитании подрастающего поколения // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015 – № 4-6. – С. 48-51.
4. Поштарева Т.В. Формирование этнокультурной компетентности // Педагогика. – 2005 – № 3 – С. 35-42.
5. Федорова С.Н. Этнокультурная компетентность педагогов: сущность, компоненты, развитие: монография: LAR LAMBERT Academic Publishing GmbH CO.KG, 2012 с.

EXCURSION AS A FORM OF EDUCATION OF MORAL STABILITY AT THE FACULTY OF FOREIGN STUDENTS IN THE STUDY OF THE DISCIPLINE «HISTORY»

VOROBYEV Dmitry Olegovich

Senior Lecturer at the Department of the History of the Fatherland
Orenburg State Medical University
Orenburg, Russia

In a modern university, teaching and educational activities are reaching a new level. This is largely due to the globalization of education – we are talking about the emergence of foreign faculties in Russian universities. The formation of a qualitatively new form of the provision of educational services – international, causes the need to adapt curricula to the characteristics of the student population and the need to rethink the methods of educational work, taking into account the cultural and educational characteristics of students. The excursion allows you to reveal the potential of the impact of teaching and educational work in the study of history.

Key words: excursion, museum, foreign students, reflection, moral stability.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ

МАЛКОВА Зоя Ивановна

воспитатель группы продленного дня

СОРОКИНА Татьяна Александровна

учитель начальных классов

МБНОУ «Гимназия № 17 им. В.П. Чкалова»

г. Новокузнецк, Россия

В данной статье представлены специальные методики определения психологической готовности детей к школе. Показаны специальные приемы работы с детьми, способствующие лучшей адаптации детей в школе.

Ключевые слова: психологическая готовность, специальные методики, развитие мыслительных процессов, преодоление возникающих трудностей, готовностью к школьному обучению, мотивационное развитие.

Одним из важнейших итогов психического развития в период дошкольного детства – психологическая готовность ребенка к школьному обучению. И.Ю. Кулашна выделяет два аспекта психологической готовности – личностную (мотивационную) и интеллектуальную готовность к школе. Оба аспекта важны, как для того, чтобы учебная деятельность была успешной, так и для скорейшей адаптации к новым условиям.

Чтобы ребенок хорошо учился, он прежде всего должен стремиться к новой школьной жизни, к серьезным занятиям, «ответственным» поручениям. Ребенок должен уметь:

- ставить цель и понимать ее смысл;
- принимать решения;
- строить внутренний план и выполнять его;
- преодолевать трудности;
- контролировать свое поведение;
- оценивать результаты своего действия.

С того момента, как в сознании ребенка представление о школе приобрело черты искомого образа жизни, можно говорить о том, что его внутренняя позиция получила новое содержание – стала внутренней позицией школьника. И это значит, что ребенок психологически перешел в новый возрастной период своего развития – младший школьный возраст.

Отношение к учебному процессу в целом для ребенка, поступающего в школу, важно отношение к учителю, сверстникам и самому себе. Взрослый становится непререкаемым авторитетом, образцом для подражания. Облегчается общение в ситуации урока, когда исключены непосредственные эмоциональные контакты, когда нельзя поговорить на

посторонние темы, поделиться своими переживаниями, а можно только отвечать на поставленные вопросы и самому задавать вопросы на тему. Классно-урочная система обучения предполагает не только особое отношение ребенка с учителем, но и специфические отношения с другими детьми. Определяя личностную готовность ребенка к школе необходимо выявить и специфику развития сферы производительности. Производительность поведения ребенка проявляется при выполнении требований, конкретных правил. Поэтому особенности производительного поведения прослеживаются не только при наблюдении за детьми, но и с помощью специальных методик.

Методика «Шифровка» помогает определить уровни переключения, устойчивости, распределения и объема внимания. Ребенок после усвоения задания за 2 минуты на изображенных 45 фигурах рисует в быстром темпе «ключ», фигуры с дополнительными элементами. За правильно заполненную фигуру ставится 1 бал. **Методика «Дорисовывание фигур»** ставит своей целью определить уровень развития воображения и его оригинальность. Ребенок дорисовывает 10 предложенных фигур, чтобы получилась картинка. Оценивается наличие композиции и превращение предложенных элементов в образы. **Методика «Перцептивное моделирование»** помогает определить уровень восприятия через умение моделировать. Ребенок выбирает из набора деталей подходящие для конструирования фигуры определенной формы. Задание выполнено, если все детали выбраны правильно. **Методика «Прогрес-**

сивные матрицы Равена» определяет уровень словесно-логического мышления. Ребенок выбирает подходящие к «дырочкам» на картинке «заплатки». **Тест Теммл – Дорки – Амен** призван определить уровень тревожности. Ребенок предлагает веселые или грустные лица для картинок с сюжетом, где люди нарисованы без лиц. Уровень тревожности определяется в процентах по количеству предложенных «отрицательных» лиц.

Интеллектуальная готовность к школьному обучению связана с развитием мыслительных процессов – способностью обобщать, сравнивать объекты, классифицировать их, выделяя существенные признаки, делать выводы. У ребенка должна быть определенная широта представлений, в том числе, образных и пространственных, соответствующее речевое развитие, познавательная активность. Изучение особенностей интеллектуальной сферы, можно начать с исследования памяти – психического процесса, связанного с мыслительным. **Методика «Пиктограмма»** помогает определить уровни развития произвольной опосредованной памяти, распределения внимания и словесно – логического мышления. В ходе тестирования ребенок рисует картинки к 12 словам и выражениям (1-2 мин), предложенным для запоминания, и объясняет, как рисунок поможет вспоминать слова. Объяснения показывают уровень развития ассоциаций. **Методика «Десять слов»** позволяет определить уровень произвольной непосредственной памяти. Ребенок повторяет в произвольном порядке зачитанные психологом 10 слов, не имеющих смысловой связи. Процедура повторяется пять раз с чтением списка заново.

Немаловажную роль в школьном обучении играет волевая готовность. Уже в дошкольном возрасте ребенок оказывается перед необходимостью преодоления возникающих трудностей и подчинения своих действий поставленной цели. Это приводит к тому, что он начинает сознательно контролировать себя, управлять своими внутренними и внешними действиями, своими познавательными процессами и поведением в целом. Это дает основание полагать, что уже в дошкольном возрасте возникает воля.

Под психологической готовностью к школьному обучению понимается необходимый и достаточный уровень психологического развития ребенка для освоения школьной программы в условиях обучения в коллективе сверстников. Процедура определения психологической готовности к школе может быть различной в зависимости от условий, в которых работает психолог. Основной целью психологического обследования ребенка при приеме в школу, является распознавание его индивидуальных особенностей, а также продолжение их дезадаптации. Развивающую работу, с нуждающимися в ней детьми, целесообразно проводить в группах развития. Главная задача которых заключается в том, чтобы психологическое развитие ребенка дошло до уровня готовности к школе. Основной акцент в группе развития делается на мотивационном развитии ребенка, а именно развитие познавательного интереса и учебной мотивации. Задача взрослого: сначала пробудить желание научиться чему-то новому, а уже затем начинать работу по развитию высших психологических функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе. – М.: Академический проект, 2000. – 168 с.
2. Готовность к школе. Развивающие программы / под ред. И.В. Дубровинкой. – М.: Академический проект, 1995 – 96 с.
3. Диагностическая и координационная работа школьного психолога / под ред. И.В. Дубровинкой. – М.: АПН СССР, 1987. – 178 с.
4. Кулагина И.Ю. Возрастная психология. – М.: Изд-во УРАО, 1991. – 132 с.
5. Кравцов Г.Г., Кравцова Е.Е. Шестилетний ребенок. – М.: Знание, 1987. – 77 с.
6. Мухина В.С. Детская психология. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1985. – 352 с.
7. Особенности психического развития детей 6-7 летнего возраста / под. ред. Д.Б. Элькомина, А.Л. Венгера. – М.: Педагогика, 1988. – 135 с.

PSYCHOLOGICAL READINESS FOR SCHOOL EDUCATION

MALKOVA Zoya Ivanovna

aftercare teacher

SOROKINA Tatiana Alexandrovna

primary school teacher

V.P. Chkalov's Gymnasium № 17

Novokuznetsk, Russia

This article presents special methods for determining the psychological readiness of children for school. Shows special techniques for working with children, contributing to the better adaptation of children in school.

Key words: psychological readiness, special techniques, development of thought processes, overcoming emerging difficulties, readiness for schooling, motivational development.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ У ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ ИНФОРМАТИКИ

САМОДУРОВА Елена Васильевна

студентка 5 педагогического факультета

ПОГОДИНА Ирина Алексеевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики, информатики и
цифровых образовательных технологий

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»

г. Ставрополь, Россия

В данной работе рассматриваются метапредметные результаты, сформированность которых способствует лучшей социализации обучающихся. Также поднимается вопрос о противоречии между возможностями информатики в достижении обучающимися метапредметных результатов и недостаточной проработанностью методики реализации этих возможностей. Роль прикладных задач в процессе формирования метапредметных результатов.

Ключевые слова: требования к результатам, метапредметные результаты, информатика, обучающиеся, образование.

На современном этапе развития образования, когда происходят быстрые изменения социальных и технологических условий, пересматриваются требования к выпускникам школ. У них должна быть сформирована способность к самообучению и непрерывному саморазвитию, которая обеспечит успешную социализацию. В соответствии с запросами личности, государства и всего общества в целом в перечень требований к результатам освоения школьниками основной образовательной программы основного общего образования, которые указаны во ФГОС ООО, включены не только личностные и предметные, но также и метапредметные результаты. Показателем того, что метапредметные результаты достигнуты,

является то, что обучающиеся освоили межпредметные понятия и овладели универсальными учебными действиями. Универсальные учебные действия, как правило, тесно связаны с достижением таких способов действия, когда обучающиеся могут принимать оптимальные решения возникающих вопросов не только в рамках учебного процесса, но также и в различных жизненных ситуациях. На сегодняшний день это очень важно, так как от выпускника школы по окончании обучения ждут мобильности, способности применять имеющиеся знания на практике, умения мыслить креативно. Также сущность метапредметных результатов раскрывает сформированность способности использования УУД на практике решения таких задач, ко-

торые являются значимыми в жизнедеятельности личности. Это достигается в процессе освоения всей школьной программы.

Метапредметный подход в современной системе обучения занимает ключевое место. Не опираясь на метапредмет уже нельзя преподавать ни одну школьную дисциплину. И в этой связи информатика занимает главенствующее место. Среди всех учебных дисциплин курс информатики обладает наиболее выраженной метапредметной направленностью. Это в свою очередь способствует эффективному формированию метапредметных образовательных результатов. Стоит отметить, что метапредметность, как правило, является составляющей образования, а также является способом формирования теоретического мышления и универсального метода деятельности, гарантирует более цельную картину мира в понимании обучающегося [5].

К.К. Колин отмечает, что в современном информационном обществе информатика является фундаментальной наукой, которая «оказывает большое влияние на многие области научных исследований, передавая им свою научную методологию (методологию информационного моделирования, информационный подход к анализу различных объектов, процессов и явлений в природе и обществе)» [3]. Следовательно, предмет «Информатика» направлен, в первую очередь, на формирование научного мировоззрения, развитие навыков работы с различной информацией, подготовку выпускника к дальнейшему обучению и профессиональной деятельности в информационной сфере. Это и является основой метапредметных результатов обучения.

Очевидно, что достижению планируемых результатов в процессе изучения школьниками информатики способствует практическая деятельность, базирующаяся на решении задач. Такие ученые как А.С. Захаров [1], С.Ю. Иванов [2], Е.В. Морозова [6] и другие в своих диссертационных работах исследовали различные аспекты использования задач в процессе обучения информатике. Однако при анализе этих работ не удалось выявить обоснования выбора конкретных задач, которые направлены на формирование метапредметных образовательных результатов. Также не обнаружена детальная проработка организации деятельности обучающихся по решению прикладных

задач, позволяющих в ходе освоения всего курса информатики формировать личностные, предметные и метапредметные результаты.

Здесь можно отметить некое противоречие между потенциалом информатики в достижении обучающимися метапредметных образовательных результатов, указанных в ФГОС ООО, и недостаточной проработанностью методики реализации этого потенциала. Следовательно, разработка методических материалов для формирования метапредметных образовательных результатов в процессе решения задач по информатике в основной школе является актуальной в вопросе разрешения указанного противоречия.

Для этого нужно сначала провести анализ ФГОС ООО, выделить требования к предметным и метапредметным результатам, после выявить отличительные особенности их достижения в школьном курсе информатики. В основе метапредметных результатов лежат универсальные учебные действия. Анализ их перечня позволит выбрать такие основные учебные действия, сформированность которых будет соответствовать требованиям к метапредметным образовательным результатам по информатике.

Таким образом, имеется перечень предметных и метапредметных умений, которые отражают планируемые образовательные результаты, каждое из этих умений формируется с помощью практической деятельности. После подбираются для предметных и метапредметных результатов соответствующие виды деятельности. На основе изложенного формируется принцип, который следует закладывать в основу обучения информатике. Исходя из планируемого образовательного результата обозначается цель. Цель достигается через выполнение соответствующих видов деятельности. В итоге это приводит к формированию предметных и метапредметных умений.

Метапредметная деятельность обучающихся не может быть реализована без точной конкретизации, так как любое действие должно выполняться над объектом. На уроках информатики таким объектом деятельности выступает предмет изучения, который одновременно служит объектом предметных видов деятельности. Таким образом, предполагается, что каждая метапредметная деятельность может быть реализована с помощью выполнения

одного или нескольких каких-либо предметных видов деятельности. Процесс реализации этой деятельности, которая обеспечивает формирование предметного результата по информатике, в то же время и создает условия для того, чтобы школьники достигли метапредметного образовательного результата. Необходимо подобрать такие задачи, решение которых будет инициировать выполнение предлагаемых видов деятельности.

Под задачей на тот или иной предметный вид деятельности понимается совокупность заданий, содержание каждой из которых характеризуется разной степенью сложности (она обусловлена осуществлением репродуктивного или продуктивного характера деятельности и наличием либо отсутствием опоры в виде заранее четко определенной цели) [4].

Все задания должны быть объединены общими условиями решения. Чтобы определить подход к отбору (формулированию) таких задач нужно рассматривать задачу в качестве носителя предметно-содержательной и процессуальной сторон обучения. Что касается информатики, такая сторона задачи как предметно-содержательная, отражает соотнесенность с конкретной темой всего материала, как объектом изучения, а процессуальная сторона – с видами деятельности, которые выполняются в рамках ее решения,

при этом каждая из перечисленных сторон определяется таким предметным видом деятельности, для инициирования которого предназначается конкретная задача.

Например, рассмотрим такой вид деятельности как «Анализ и выявление общих принципов реализации аналогичных действий над компьютерными объектами разных типов». Здесь текстовый, графический или какой-либо другой файл, ярлык, папка, окно программы, диалоговое окно могут представлять собой содержательную сторону задачи. А осуществление над этими объектами действий, которые свойственны их типу, а также их анализ, отражают процессуальную сторону.

При этом важно отметить тот факт, что, несмотря на кажущуюся очевидность предметно-содержательной стороны задачи, под программой можно понимать не только алгоритм, который представляет собой запись на языке программирования, но также и готовую программу, моделирующую какой-либо процесс или явление, и электронную таблицу с введенными в ячейки формулами и другое.

Таким образом, данный подход к формированию метапредметных результатов обучающихся даст возможность повысить их уровень умений и навыков, что в свою очередь поспособствует лучшей социализации будущих выпускников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Захаров А.С.* Изучение вопросов представления информации в школьном курсе информатики: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2008. – 217 с. – URL: <http://www.dslib.net/teoriavospitania/izuchenie-voprosov-predstavlenija-informacii-v-shkolnom-kurse-informatiki.html>.
2. *Иванов С.Ю.* Обучение решению сложных задач в системе элективных курсов по информатике: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2007. – 267 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003158898>
3. *Колин К.К.* Философские проблемы информатики. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. – 264 с. – URL: https://www.studmed.ru/kolin-k-k-filosofskie-problemy-informatiki_3c4f26551c7.html.
4. *Кушаева С.Р., Погодина И.А.* Решение задач как средство развития метапредметных УУД на уроке информатики в 9 классе // *Modern Science*. – 2019. – № 3. – С. 306-309. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37219494>
5. *Кушаева С.Р., Погодина И.А.* Формирование метапредметных образовательных результатов в процессе решения задач по информатике в основной школе // *Colloquium-journal*. – 2018. – №11-5(22). – С. 80-82.
6. *Морозова Е.В.* Методические принципы построения системы упражнений и задач курса информатики гуманитарной ориентации: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. – М., 1996. – 14 с. – URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-metodika-organizatsii-raboty-uchaschihsya-s-zadachami-na-urokah-informatiki-v-klasseh-s-gumanitarnoy-orientatsiey>.

FORMATION OF META-SUBJECT RESULTS IN STUDENTS IN INFORMATICS LESSONS

SAMODUROVA Elena Vasilievna

student of the 5th Pedagogical Faculty

POGODINA Irina Alekseevna

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Mathematics,
Informatics and Digital Educational Technologies
Stavropol State Pedagogical Institute
Stavropol, Russia

This work examines the metasubject results, the formation of which contributes to better socialization of students. It also raises the question of the contradiction between the capabilities of informatics in the achievement of metasubject results by students and the insufficient elaboration of the methodology for implementing these capabilities. The role of applied problems in the formation of metasubject results.

Key words: requirements for results, metasubject results, informatics, students, education.

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ ЗЕМСКОЙ ШКОЛЫ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ТЕРЯЕВА Оксана Александровна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Петрозаводская государственная консерватория им. А.К. Глазунова»
г. Петрозаводск, Россия

В статье раскрывается успешная практика привлечения учителей в малые города и сельскую местность с XIX в. до настоящего времени. Автор рассматривает реализацию программы «Земский учитель» как возможность перспективным молодым специалистам реализоваться в педагогической профессии. Представлены данные о подготовке народных учителей, преподавателях пения, заботе земств о музыкальном образовании, современном опыте реализации программы.

Ключевые слова: земский учитель, земские школы, образование, Программа «Земский учитель», программа «Земский работник культуры».

Решая основную задачу статьи, связанную с репрезентацией особенностей организации и претворения в жизнь программ «Земский учитель», начиная в XIX в. до настоящего времени, мы подчеркиваем аспект, отражающий преемственность традиции совершенствования российского образования, и рассматриваем его в ракурсе сопряжения традиции и современности, т. к. осмысление практики реализации программы невозможно без обращения к историческому опыту.

В соответствии с перечнем поручений Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 27 февраля 2019 г. № Пр-294 Министерством просвещения РФ разработана и реализуется программа поддержки сельских учителей и учителей

малых городов, получившая название «Земский учитель» [1]. Как отмечают специалисты на основе статистических данных «сельская местность занимает огромную территорию Российской Федерации, а удельный вес сельского населения составляет более 25% всех жителей страны» [3], следовательно, актуальность и своевременности программы обусловлена важностью социально-экономического развития сельской местности в регионах.

В этой связи улучшение социально-экономической ситуации в сельской местности и малых городах оправданно связывают с реализацией ряда федеральных целевых программ, направленных на привлечение специалистов: «Земский учитель», «Земский доктор», а с 2022 г. Правительство РФ пла-

нирует разработку программы «Земский работник культуры».

Данные программы вызвали усиление внимания к опыту работы отечественных земских учреждений в XIX в. Именно с этого периода зарождалась и впервые реализовывалась идея создания народных школ, училищ, формировался институт народного учителя, занявший важное место как в системе трудовых ресурсов, так в системе образования.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в российской образовании происходили значительные перемены, связанные, в первую очередь, с построением образовательных школ нового типа – земской начальной школой. В 1864 г. было утверждено «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» [8], на которые среди прочих возлагалась задача о «попечении о народном образовании». 16 июня 1870 г. было утверждено Городовое положение [5], где содержалась подобная норма. Можно с полной уверенностью утверждать, что с 1864 г. до 1917 г. самым распространенным типом начальных учебных заведений в России были земские школы или одноклассные народные училища.

До реформы 1864 г. в качестве основного типа начальных народных школ существовали приходские училища (по уставу 1828 г.), обучение не предусматривало разработанных учебных программ, при этом учителем в таких училищах мог быть любой, обладающий элементарной грамотностью.

В своей работе земские училища руководствовались Положением 1864 г., также более поздними официальными государственными актами. Так, в «Положении о начальных народных училищах» от 1864 г. были определены предметы, преподаваемые в начальной школе, включающие Закон Божий (краткий катехизис и священная история), чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо, первые четыре действия арифметики и церковное пение там, где преподавание его будет возможно [9]. По Инструкции инспекторам училищ 1871 г. к числу желательных предметов отнесены были церковное пение, гимнастика и некоторые ремесла или мастерства [4]. По Инструкции 1875 г. училища, открываемые с «целью доставить детям сельского населения возможность приобретать элементарное образование в более полном и за-

конченном виде, сравнительно с другими сельскими начальными училищами» [2], имели следующий набор учебных предметов:

1. Обязательные: Закон Божий; русский язык с чистописанием; арифметика; история; география и естествознание; церковное пение; черчение (только для двухклассных).

2. Желательные: гимнастика; ремесла, мастерства и рукоделия; садоводство, огородничество и пчеловодство [2].

Анализируя особенности организацию работы земских школ, следует отметить, что целью их функционирования, в первую очередь, считалось развитие и совершенствование душевных сил и способностей ребенка: «развить в детях интерес и сознательное отношение к себе и ко всему окружающему, воспитать способность к самостоятельному умственному развитию и творческой работе» [7]. И, во-вторых, неотъемлемым достоинством обучения в земских школах заслуженно являлась вариативность программ, о которой неоднократно упоминается в Положениях и инструкциях: учебный план был приспособлен к местным, региональным условиям, набор желательных и дополнительных предметов зависел от наличия специалистов и педагогов и определялся местными органами народного образования.

Так, в отношении музыкального образования, мы встречаем положительные примеры практик преподавания пения, церковного пения в земских школах в период с 60-х гг. XIX в. до начала XX в., ряд сведений свидетельствует о внимательном, заботливом отношении земств к данному вопросу и подкреплен положительными примерами практик музыкального образования учащихся [11].

При этом сошлемся на специалистов, согласно мнению которых «в земских школах России осознавалась важность обучения пению. Содержание обучения этому предмету включало как церковный, так и светский репертуар, песенки и стихотворения, интересные ребятам» [11].

По свидетельству программ, подготовленных Бюро Первого общеземского съезда по народному образованию (1911 г.), преподавание пения было включено в раздел «О дополнительных предметах». Изучение данного предмета во многом зависело от тех, кто преподают. В ряде губерниях и уездах преподава-

телями пения были священники, дьяконы, псаломщики, реже специальные педагоги.

Что касается подготовки педагогического корпуса для работы в земских школах, то для этих целей открывались земские учительские семинарии и школы, были выделены финансовые средства для поддержания учительских семинарий и педагогических классов. Распространенной практикой такого времени было открытие педагогических курсов, где земские учителя и кандидаты в учителя из близлежащих территорий получали теоретические и практические знания по преподаваемым дисциплинам, занимались пением, гимнастикой, чтением произведений русских писателей, обсуждали уроки, даваемые учителями в школе [11]. Такое пристальное внимание государства к развитию передового учительства для земств во многом объясняется тем, что социальный статус учителя приходской школы находился на низком уровне. В большинстве своем в дореформенный период учитель не пользовался уважением сельчан и представителей привилегированного сословия. Как замечают исследователи социального статуса учителя: «Само звание народного учителя считалось в глазах тогдашнего помещичьего общества презренным, и сельский учитель в этой среде являлся в полном смысле слова парией – жалким и отверженным» [6].

Благодаря земской реформе 1864 г. и, как следствие, созданию передовых учительских семинарий, мы с очевидностью можем говорить о появлении нового типа педагога – «земский учитель», в полной мере обладающего теми качествами, которые отвечали образовательным запросам того времени и остаются актуальными сегодня: высоким образовательным и культурным уровнем, подвижничеством, преданностью делу, любовью и уважением к детям, заслуженным уважением и любовью сельчан.

В исторических памятниках пореформенного периода мы находим факты, подтверждающие особый подход к вознаграждению за обучение детей, различные виды поощрения учителей, заботу о качестве преподавания не только педагогов, земских чиновников, но и самих крестьян. Так, к примеру, московское земство в 1891 уч. г. приглашало опытное лицо для обучения церковному хо-

ровому пению и ассигновало на это 600 рублей; ирбитское земство ассигновало для обучения пению 300 рублей и пригласило десять учителей пения [11].

Во многом это было обусловлено пониманием земств важности образования детей, в том числе музыкального, постоянным обсуждением и решением вопроса повышения качества образования крестьянских детей, выделением на это финансовых средств, и что немало важно, позитивным и успешным опытом функционирования земской школы [11].

В советское период государственная политика была нацелена на развитие сельских школ и основывалась на принципе равного доступа к образованию для городских и сельских обучающихся. Программы, которые разрабатывались в тот период, были направлены на привлечение в сельские школы молодых людей, выпускников педагогических институтов и училищ, их обустройство и закрепление в сельской местности.

Как отмечают исследователи образования советского периода: «В целях повышения привлекательности учительского труда в сельской местности для сельских учителей вводится ряд льготных условий, среди которых надбавка к зарплате, бесплатные коммунальные услуги, бесплатное обеспечение жильем, освобождение молодых людей, работающих в сельской школе, от службы в армии и др.» [12]. Также в педагогических институтах существовали льготные условия поступления для абитуриентов из сельской местности. Масштабная программа по поддержке образования на селе имела свои положительные результаты, характеризующиеся доступным и качественным образованием в сельской местности.

В постсоветский период (с 1990-х гг.) несмотря на то, что программы, аналогичные программам «Земский учитель», регулярно принимались на региональных уровнях, разрыв в качестве образования между городскими и сельскими школами существенно увеличился.

Сегодня дальнейшее успешное развитие страны и усовершенствование системы государственного управления невозможно без наличия школьного образования, которое соответствовало бы новым социально-экономическим реалиям. В настоящее время «из 42 000

школ, работающих на территории РФ, более 24 000 расположены в небольших населенных пунктах (селах, ПГТ, рабочих поселках)» [10] и острая необходимость разработки программы привлечения учителей в сельскую местность становится чрезвычайно актуальной.

Проблема нехватки педагогических кадров в сельской местности вызывает усиленное внимание к наследию работы земских учреждений. В отечественных программах по развитию образования в сельских школах накоплен разноплановый положительный опыт сотрудничества педагогических коллективов с учащимися во всех основных видах деятельности, особенно в трудовой, поисковой, творческой и эстетической. Неслучайно обновленная программа по поддержке учителей на селе получила название «Земский учитель». На официальном сайте Министерства просвещения Российской Федерации сформулирована цель программы: «Земский учитель» – важная для системы образования программа. Она направлена на повышение качества общего образования путем совершенствования методов обучения и воспитания, внедрения новых образовательных технологий, в том числе цифровых, обеспечивающих повышение мотивации обучающихся» [10]. Предполагается, что в комплексе предпринимаемые меры станут стимулом для привлечения педагогов в школы, расположенные в сельской местности и малых городах с населением до 50 тысяч человек, что позволит решить проблему нехватки педагогических кадров по востребованным в регионах специальностям и обновит педагогические коллективы школ. По условиям программы «учителя, переехавшие работать в сельские населенные пункты, поселки или города с населением до 50 тысяч человек, получают единовременную компенсационную выплату – 1 млн рублей» [10]. Если населенный пункт находится на территории Дальневосточного федерального округа, то компенсация составляет 2 млн рублей [10].

Условия участия в данной программе в Республике Карелия представлены на феде-

ральном портале «Земский учитель»: «возраст учителя до 55 лет на дату подачи документов; наличие среднего профессионального или высшего образования; трудоустройство в общеобразовательную организацию на вакантную должность учителя, включенную в перечень вакантных должностей, сформированный в соответствии с разделом III Порядка, с объемом учебной нагрузки не менее чем 18 часов в неделю за ставку заработной платы; принятие учителем обязательства отработать не менее 5 лет по основному месту работы в общеобразовательных организациях.» [10].

В результате конкурсного отбора в 2020 г. в Республику Карелия были определены 19 победителей, которые трудятся сейчас трудятся в школах Карелии. Среди учителей, победителей программы «Земский учитель», имеются представители различных регионов России: Санкт-Петербурга, Астраханской, Новгородской, Свердловской, Тульской, Московской, Вологодской, Новгородской областей, Алтайского края.

В 2021 г. банк педагогических вакансий содержит 71 предложение о трудоустройстве в образовательных организациях Карелии по различным предметам, в т. ч. по предмету музыка.

Следует признать очевидное, что государственные программы привлечения учителей в сельские школы не новы и, учитывая положительный исторический опыт, в настоящее время программа «Земский учитель» концентрирует усилия не только на решение кадровой проблемы, с которой сталкиваются руководители сельских школ, на предоставление начинающим педагогам и педагогам со стажем возможности получить желаемую работу, материальный стимул и социальный престиж, но и на укрепления просветительской социокультурной и даже подвижнической миссии учителя в сельском социуме. Поэтому мы склонны согласиться с историками педагогики и образования в том, что от заложенного в программе «Земский учитель» мощного социально преобразующего потенциала зависит успешная ее реализация в системе комплексного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 09.11.2019 № 1430 с изменениями от 22.01.2020 г. № 36.
2. Аннин П.А. Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях. – СПб., б. г. – 435 с.
3. Ашмаров И.А., Бобровников Д.А., Бобровникова М.А., Волкова Е.А., Гарелина М.Н. Актуальные проблемы и тенденции развития сельской местности в регионах России // РСЭУ. – 2017. – № 1(36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-i-tendentsii-razvitiya-selskoy-mestnosti-v-regionah-rossii> (дата обращения: 06.10.2021).
4. Высочайше утвержденная инструкция инспектора народных училищ // Сб. распоряжений по Министерству народного просвещения. – Т. 5 (1871-1873). – СПб., 1872. – С. 532-552.
5. Городовое положение от 16 июня 1870 г. / ПСЗ-2. Т. 15. № 48498.
6. Железнякова Ю. Препод 100 лет назад // Родина. – 2004. – № 6. – С. 92-94.
7. Озерская Ф.С. К.Д. Ушинский и земская школа // Советская педагогика. – 1985. – № 2. – С. 110-116.
8. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. / ПСЗ-2. Т. 34. № 40457.
9. Положение о начальных народных училищах от 14 июля 1864 года // ПСЗ Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение 1. № 41068. – СПб., 1867. – URL: <https://runivers.ru/lib/book3136/> (дата обращения: 06.10.2021).
10. Программа «Земский учитель». – URL: <https://edu.gov.ru/press/2338/dlya-uchastiya-v-programme-zemskiy-uchitel-podano-rochti-30-tysyach-zayavok/> (дата обращения: 06.10.2021).
11. Рихтер Н.П. Музыкальное образование в земских начальных училищах России конца XIX – начала XX века // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. – Т. 1, № 5(62). – С. 52-66.
12. Сидоров С.В. Основные этапы развития отечественных сельских школ // Сайт педагога-исследователя. – URL: <http://si-sv.com/publ/16-1-0-33> (дата обращения: 09.09.2021).

POTENTIAL OF THE RUSSIAN ZEMSKAYA SCHOOL IN THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC EDUCATION

TERYAEVA Oksana Alexandrovna

PhD in Pedagogical Sciences, Senior Lecturer
A.K. Glazunov's Petrozavodsk State Conservatory
Petrozavodsk, Russia

The article reveals the successful practice of attracting teachers to small towns and rural areas since the 19th century. until now. The author considers the implementation of the «Zemsky Teacher» program as an opportunity for promising young specialists to realize themselves in the teaching profession. The data on the training of folk teachers, singing teachers, the care of the zemstvos about music education, modern experience in the implementation of the program are presented.

Key words: zemstvo teacher, zemstvo schools, education, program «Zemsky teacher», program «zemstvo culture worker».

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНОВ «КОМПЕТЕНЦИЯ» И «КОМПЕТЕНТНОСТЬ» В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ТОКАРЕВА Марина Викторовна

магистр

МАЛЯРЧУК Наталья Николаевна

доктор педагогических наук, доцент

заведующий кафедрой возрастной физиологии, специального и инклюзивного образования
ФГАУ ВО «Тюменского государственного университета»

г. Тюмень, Россия

В современном мире широкое распространение получили термины «компетенция» и «компетентность». Они прочно укрепились в различных сферах жизни людей, от менеджмента до образования. Часто эти термины используют как синонимы, но являются ли они синонимами на самом деле? Цель данной статьи – проанализировать определения терминов «компетенция» и «компетентность» в исследованиях российских и зарубежных авторов. А также рассмотреть структуру данных терминов. Статья будет полезна методистам, педагогам и всем специалистам, работающим в русле компетентностного подхода.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, профессиональная компетенция, профессиональная компетентность, структура компетенции, структура компетентности.

Одним из ведущих методологических подходов в мире является компетентностный подход. Он основывается на практических знаниях и умениях человека. Этот подход популярен в различных сферах, наиболее востребован он в образовании. Работодатели создают различные модели компетенций, которыми должны обладать их сотрудники. А образовательные учреждения ориентируясь на потребности работодателей стараются сформировать у своих выпускников необходимые компетенции.

Помимо термина «компетенция» существует отличный по содержанию, но похожий по звучанию термин «компетентность». Многие исследователи используют эти термины как синонимы. Большинство педагогов, тоже не видят разницы между ними. Это может привести к расхождению реальных и желаемых результатов обучения, и система образования не сможет удовлетворить запросы работодателей.

Дело в том, что близкие по звучанию слова содержат разные смыслы. Слово «компетенция» образовано от латинского «competo», что означает добиваться, соответствовать, подходить, стремиться. Слово «компетентность» образовано от латинского «competens», что означает подходящий, соответствующий. С лингвистической точки зрения ключевым различием между данными понятиями является принадлежность частей речи слов, от ко-

торых они образованы. Соответственно понятие «компетенция», образованное от глагола будет отражать действие или умение. В тоже время, понятие «компетентность» образовано от причастия настоящего времени этого же глагола, следовательно, в себе оно объединяет признаки и глагола, и прилагательного, отражающего характеристику. Латинское существительное «competentia» образовано от глагола «competo» и означает согласованность частей, соразмерность, симметрию. Отглагольные существительные представляют собой опредмеченное действие. Т.о. оба понятия произошли от одного глагола «competo», однако «компетенция» представляет собой отглагольное существительное, а «компетентность» причастие настоящего времени. Другими словами, «компетенция» – это действие или умение, а «компетентность» – это качественная характеристика.

Наиболее изучена концепция компетенций в менеджменте. «Гуру» американского менеджмента David McClelland в 1953 г. впервые определил особенности человека как компетенцию. Маклелланд утверждал, что перед тем, как нанять человека, его нужно тестировать не на уровень интеллекта, а на компетенции, этим он произвел фурор в промышленной психологии. При собеседовании работодателю необходимо предсказать сможет ли работник эффективно выполнять свою работу. Здесь и приходит на по-

мощь компетентностный подход. В противовес умственным способностям компетенции рассматривались как поведенческие модели, которым можно научить. Маклелланд первым начал создавать модели компетенций.

Спенсеры (Spencer&Spencer) еще в 1993 г. писали, что в будущем организации будут строить свою деятельность вокруг людей. Оправдался прогноз исследователей о том, что повышенное внимание управленческих структур будет сосредоточено на компетенциях сотрудников, поскольку при реализации компетентностного подхода улучшается производительность труда, снижаются затраты на обучение персонала и текучесть кадров [9, с. 30].

Продолжая исследования Маклелланда, Ричард Бояцис (Richard Boyatzis) предложил рассматривать компетенцию в качестве скрытой характеристики человека, которая позволяет ему не просто эффективно, а превосходно выполнять свою работу [7, с. 17].

Лингвист Н. Хомский (Noam Chomsky) в 1965 г. предложил использовать термин «компетенция» по отношению к изучению языка. Он применял этот термин для характеристики способности человека к выполнению какой-либо деятельности. Н. Хомский различал компетенцию (competence – знание языка) и употребление (performace – реальное использование языка в конкретной ситуации). Употребление, по его мнению, это проявление компетенции в разных видах деятельности, связанное с мышлением и опытом человека [5, с. 16].

Зарубежные исследователи Браун, Такер, Кофски (Brown, Tucker, Cofsky) используют уже понятие «компетентность» и описывают следующий компонентный ее состав: знания (особенно в специфических областях), умения (когнитивные или поведенческие), представления о себе (уверенность в себе, самоконтроль, стойкость), мотивы (неосознаваемые потребности и предпочтения), особенности (личностные характеристики, поведенческие привычки) [8].

В российских публикациях понятие компетентность, часто трактуется как владение человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности [4].

Российский психолог и специалист в обла-

сти психолингвистики И.А. Зимняя рассматривает компетенцию как внутреннее потенциальное когнитивное образование, актуализируемое затем в деятельности. Компетенция является предпосылкой и основой для формирования компетентности. По мнению И.А. Зимней, компетентность – это личностно обусловленное интегративное качество человека, прижизненно формируемое, этносоциокультурно обусловленное, актуализируемое в деятельности, во взаимодействии с другими людьми, основанное на знаниях, которое, развиваясь в образовательном процессе, становится его результатом. Компетентность является интегративным воплощением компетенций. Компетентность – это проявление компетенций субъекта образовательного процесса в деятельности и поведении [1, с. 24].

Согласно исследованиям И.А. Зимней, структура компетентности включает в себя три уровня. Базовый уровень – интеллектуальные действия, который служит основой для формирования и становления компетентности. Второй уровень включает в себя личностные качества, которые будут определять характер проявления его компетентностей. К ним относятся целенаправленность, ответственность, самостоятельность, организованность и другие. На верхнем уровне компетентности находится ее содержание, которое также имеет компонентный состав. Автор выделяет следующие компоненты компетентности: когнитивный, поведенческий, ценностно-смысловой, регулятивный, мотивационный [2, с. 5].

Таким образом, мы видим, что термины «компетенция» и «компетентность» действительно различны, и употреблять их как синонимы некорректно. Зарубежные и отечественные исследователи подтверждают данный факт. Множество авторов предлагают собственную трактовку этих терминов, однако у каждого из них есть несколько общих объединяющих моментов. Во-первых, термин «компетентность» шире, чем термин «компетенция» и включает его в себя. Во-вторых, компетенция и компетентность проявляются исключительно в деятельности. В-третьих, как компетенции, так и компетентность рассматривается в качестве необходимого условия для успешного труда и эффективной профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 4. – С. 16-31.
2. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностранные языки в школе. – 2012. – № 6. – С. 2-10.
3. Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления / под.ред. М.С. Шклярук, Н.С. Гаркуша. – М.: РАНХиГС, 2020. – 84 с.
4. Хуторской А.В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Вестник Института образования человека. – 2011. – № 1. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24069404_66889626.pdf.
5. Щукин А.Н. Компетенция или компетентность. Взгляд методиста на актуальную проблему лингводидактики // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 5. – С. 14-20.
6. Яковлева Е.В. Цифровая компетенция: подходы к определению понятия // Педагогическое образование и наука. – 2020. – № 6. – С. 99-107.
7. Chouhan V.S., & Srivastava S. (2014). Understanding Competencies and Competency Modeling – A Literature Survey. IOSR Journal of Business and Management, 16, 14-22.
8. Heneman R.L., Ledford G.E. Competency Pay for Professionals and Managers in Business: A Review and Implications for Teachers. Journal of Personnel Evaluation in Education 12, 103-121 (1998). – URL: <https://doi.org/10.1023/A:1008076926413>.
9. Woodruffe C. (1993) What is meant by a competency? Leadership&Organization Development Journal. 14(1).1. 29-36.

MEANING OF THE TERMS «COMPETENCE» AND «COMPETENCE» IN RUSSIAN AND FOREIGN RESEARCH

TOKAREVA Marina Viktorovna

master

MALYARCHUK Natalia Nikolaevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Head of the Department of Developmental Physiology, Special and Inclusive Education

Tyumen State University

Tyumen, Russia

In the modern world, the terms «competence» and «competence» are widely used. They are firmly entrenched in various spheres of human life, from management to education. Often these terms are used interchangeably, but are they really synonyms? The purpose of this article is to analyze the definitions of the terms «competence» and «competence» in the studies of Russian and foreign authors. And also consider the structure of these terms. The article will be useful for methodologists, teachers and all specialists working in line with the competence-based approach.

Key words: competence, competence, professional competence, professional competence, competence structure, competence structure.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНИВАНИЯ

ШУЛЬЦ Ольга Владимировна

учитель начальных классов

ГРАЧЕВА Татьяна Владимировна

учитель информатики

МБНОУ «Гимназия № 17 им. И.В. Чкалова»

г. Новокузнецк, Россия

В статье рассматриваются недостатки и плюсы традиционной системы оценивания, необходимость перемен, правила и виды критериального оценивания.

Ключевые слова: система оценивания, принцип оценивания, критерии оценки, организация учебного сотрудничества, критериальная отметка.

Система оценивания эффективности процесса обучения и его результатов имеет важное значение в образовательном процессе. Основным направлением системы оценки стандартов первого поколения является оценка уровня освоения учащимися обязательного минимума.

Недостатки системы оценивания:

– отсутствуют четкие критерии оценки достижения планируемых результатов обучения, понятные учащимся, родителям и педагогам;

– педагог выставляет отметку, ориентируясь на средний уровень знаний класса в целом, а не на достижение каждым учеником единых критериев;

– отметки, выставляемые ученикам, не дают представления об усвоении конкретных элементов знаний, что не позволяет определить ИТ обучения каждого ученика;

– отсутствует оперативная связь между учеником и учителем в процессе обучения, что не способствует высокой мотивации изучения предмета.

В чем же плюсы традиционной системы оценивания:

Во-первых, это простота.

Во-вторых, традиционность

В-третьих, понятность для всех субъектов процесса (учеников, учителей, родителей, администрации).

В-четвертых, универсальность, позволяющая применять ее в различных образовательных системах.

В-пятых, очевидная сила воздействия.

«Как убеждает опыт работы учителей, цифровая система оценивания при всех сво-

их недостатках является весьма надежной и эффективной». Пятибалльная система представляет собой очень простой и грубый инструмент, но вследствие этой простоты – чрезвычайно универсальный и действенный [1].

Необходимость перемен. Школа в большинстве случаев занимается наполнением голов учащихся некой суммой знаний. Нужны эти знания или нет, учащийся судить не может, он должен просто принять на веру их жизненную необходимость и послушно следовать за учителем, заучивая и осваивая все новые и новые теоретические и (в гораздо меньшей степени) практические положения. Сверхзадача современной школы – дать возможность школьнику осознать смысл каждого предпринятого им шага на пути к знаниям, научиться самому ориентироваться в процессе познания.

Новые стандарты ориентируют образовательный процесс на достижение качественно новых целей и результатов. Основной задачей и критерием оценки выступает уже не освоение обязательного минимума содержания образования, а овладение системой способов действий с изучаемым учебным материалом.

Система оценивания выступает не только как средство обучения, регулятор образовательной программы, но и как:

– самостоятельный и самооценный элемент содержания;

– средство повышения эффективности преподавания и учения;

– фактор, обеспечивающий единство вариативной системы образования;

– регулятор программы обучения.

Принцип оценочной деятельности учителя

ля: оценивание является постоянным процессом, естественным образом интегрированным в образовательную практику. В зависимости от этапа обучения используется диагностическое (стартовое, текущее) и срезовое (тематическое, промежуточное, рубежное, итоговое) оценивание.

Аксиомы оценивания:

1. Всегда есть более одного метода оценивания для каждой цели.
2. Ни один метод не может адекватно оценить все разнообразие способностей ученика.
3. Важно провести предварительную проверку, чтобы увидеть подходит ли метод для данной программы.
4. Невозможно использовать все методы (время и ресурсы).
5. Запрет на любые формы и способы, которые превращали бы систему оценки в «кнут».
6. У каждого должно быть право на индивидуальную образовательную траекторию – на свой темп освоения материала, на выбранный уровень притязаний.
7. Обеспечение личной психологической безопасности ученика.
8. Подавляющее большинство образовательных результатов конкретного ученика можно сравнивать только с его же предыдущими показателями, но не с показателями других учеников класса.
9. Оцениваются с помощью отметки могут только результаты деятельности ученика и процесс их формирования, но не личные качества ребенка.
10. Оценивать можно только то, чему учат.
11. Оценивание может быть только критериальным. Основными критериями оценивания выступают планируемые результаты обучения [2].

Зачем нужны критерии оценки?

Для учащихся:

1. Обеспечивают четкое понимание учебных целей, ожиданий, критериев оценивания и способов улучшения собственной работы.
2. У учащихся есть конкретные рекомендации в отношении ожиданий учителя.
3. Когда ученики привыкают регулярно использовать критерии оценки, они начинают испытывать большую ответственность за конечный продукт.

4. Создают условия для самостоятельной работы учащихся.

Зачем нужны критерии оценки?

Для учителей:

1. Содержат ясные ориентиры для учебного процесса.
2. Содержат конкретные критерии для оценивания процесса усвоения учебного материала учащимися.
3. Делают процесс оценивания объективным и последовательным.
4. Облегчают процесс оценивания прогресса учащихся для учителей.

Каждая отметка рассматривается как замер уровня освоения того или иного навыка или фактического, понятийного материала, который осуществляется с целью выявления слабых мест для их последующего устранения. Критериальная отметка – средство информации, а не наказания или воздействия.

Проблемы внедрения:

- трудоемкость разработки;
- стереотипы учителей;
- трудность вовлечения родителей в учебный процесс;
- отсутствие готовности педагогов к новой системе оценивания.

Правила критериального оценивания

1. Критерии должны быть основаны на целях обучения и на уроке постоянно должны быть в поле внимания учителя.
2. Критерии должны быть понятны ученикам.
3. При формирующем оценивании критериев не должно быть много (3-4).
4. Критерии должны быть озвучены до начала проверочных работ.
5. Критерии могут быть разработаны совместно с учениками.

Что должны знать ученики:

- знать и понимать цели обучения;
- знать и понимать критерии оценивания;
- уметь анализировать свою работу.

Виды критериального оценивания:

1. Формирующее оценивание ориентируется на тщательное планирование образовательных результатов. Оценивание для обучения.
2. Констатирующее оценивание является финальной стадией проверки умений и навыков, сформировавшихся из урока в урок

по четко обозначенным алгоритмам и критериям оценивания. Оценивание результатов обучения.

Формирующее оценивание – это механизм сбора информации о собственном продвижении ученика. Нацелено на определение индивидуальных достижений учащихся, формирование и развитие их личности. Шкала оценивания может быть разработана самим учителем или группой учителей [3].

Четыре плюса формирующего оценивания:

1. Позволяет даже самым слабым ученикам ощутить свои успехи.

2. Помогает сформировать у детей мотивацию к учебе, потому что акцентирует внимание на достижениях, а не провалах.

3. Помогает учителю заметить личный прогресс каждого ученика, а не сравнивать их всех с единым стандартом.

4. Его довольно просто реализовать без лишней бумажной работы для учителя.

Формирующее оценивание небольших самостоятельных работ показывает, *насколько успешно* ученик осваивает изучаемый материал данной темы. Одновременно оно выполняет *функцию обратной связи, когда ученик получает информацию о своих успехах и неудачах*. При этом у него есть время до итоговой работы, чтобы улучшить то, что в промежуточной работе оказалось выполненным недостаточно хорошо. Соответственно, любые, даже самые неудовлетворительные результаты *промежуточной работы воспринимаются учеником лишь как рекомендации* для улучшения собственных результатов, так как оценки за них в журнал не выставляются.

Таким образом, получая оценку за промежуточную работу, ученик получает четкие ориентиры, что надо сделать, чтобы повысить свою оценку за итоговую работу.

Констатирующее или итоговое оценивание (итоговый тест, срез и др.) выявляет результат обученности учащихся за определенный период времени. Формы и способы оценки определяет учитель. Центром в классе является сам учитель.

Констатирующее оценивание проводится по результатам выполнения различных видов проверочных работ (теста, контрольной, исследовательской работ, сочинения, эссе, проекта, устной презентации и т. п.). Отметки, выставленные за проверочные работы, являются основой для определения итоговой оценки [3].

Система оценивания выстраивается таким образом, чтобы учащиеся включались в контрольно-оценочную деятельность, приобретая навыки и привычку к самооценке и взаимнооценкам.

В оценочной деятельности реализуется заложенный в стандарте принцип распределения ответственности между различными участниками образовательного процесса. В частности, при выполнении проверочных работ должен соблюдаться принцип добровольности выполнения задания повышенной сложности.

Большая часть педагогов осознает, «если мы сегодня будем учить так, как учили вчера, то потеряем завтра». Значит, работа учителя сегодня должна быть нацелена на развитие самого себя, способного учить новому, чтобы «не потерять завтра» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумова Н.Н., Малкова И.Ю.* Компетентностный подход в образовании: организация и диагностика. – Томск: Томский государственный университет, 2007. – 368 с.
2. *Воронцов А.Б.* Организация учебного процесса в условиях Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (образовательная система Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова). Методические рекомендации. – М.: ОИРО, 2010. – 64 с.
3. *Воронцов А.Б.* Что развивает и чего не развивает учебная деятельность? // Вопросы психологии. – 1988. – № 5. – С. 75.
4. *Данилов Д.Д.* Система оценки достижения планируемых результатов освоения основной образовательной программы начального общего образования в «Школе 2100» (технология оценивания образовательных достижений (учебных успехов). – М.: Вита-Пресс, 2012. – 168 с.

MODERN EVALUATION METHODS

SHULTS Olga Vladimirovna

primary school teacher

GRACHEVA Tatiana Vladimirovna

IT-teacher

I.V. Chkalov's Gymnasium № 17

Novokuznetsk, Russia

The article discusses the disadvantages and advantages of the traditional assessment system, the need for changes, the rules and types of criteria-based assessment.

Key words: assessment system, assessment principle, assessment criteria, organization of educational cooperation, criterion mark.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК. 159.923.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ ПРАКТИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОГЕНЕЗА

ГАЛСТЯН Маргарита Николаевна

директор

ГКУ «Центр профилактики, реабилитации и коррекции»

НИКУЛИНА Татьяна Ивановна

кандидат психологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»

г. Иркутск, Россия

В основе данного исследования рассматривается теоретико-методологическая основа формирования профессионально важных качеств практических психологов в процессе профессиогенеза. Решается задача поиска причин эмоционального выгорания практических психологов, которое может быть вызвано совокупностью разнородных факторов, таких как загруженность и профессиональные нагрузки в работе с клиентами. Представлена взаимосвязь личностных противоречий между требуемой от практического психолога профессиональной мобилизации и наличием внутренних энергоресурсов, вызывающих достаточно устойчивые отрицательные психические состояния, проявляющиеся в перенапряжении и переутомлении. Приводятся результаты различий в особенностях формирования профессионально значимых качеств на разных этапах профессиогенеза. Результаты исследования позволяют предположить, что эмоциональное выгорание рассматривается как результат неблагоприятного преодоления стресса, мешающего реализации индивидуальных возможностей личности практического психолога.

Ключевые слова: профессионально важные качества, напряженность, психическое состояние.

В последние годы интерес к проблемам психологического обеспечения деятельности самих практических психологов доказал свою актуальность. Считается, что в работе с клиентами психологи могут переживать психотравмирующий стресс, эмоци-

ональные перегрузки, которые могут привести не только к конфликтам с коллегами, но и к психосоматическим заболеваниям.

На основе анализа теоретических источников было выявлено, что технология изучения психологических особенностей формирования профессионально важных качеств, требует дальнейшего развития и совершенствования. Существует также необходимость уточнения индивидуально-психологических особенностей, детерминирующих поведение психологов в особых условиях профессиональной деятельности.

В работе поставлена задача изучения психологических особенностей формирования профессионально важных качеств практических психологов в процессе профессиогенеза, которая реализовывалась в анализе условий формирования психологических особенностей профессиональной деятельности и определении психологических факторов и условий данного типа работы.

Основными методами исследования явились теоретические методы – анализ для определения сущности основных понятий исследования, его теоретико-методологической базы, выяснение особенностей профессиональной деятельности практических психологов; эмпирические методы – наблюдение, беседа, анкетирование для сбора и анализа информации о психологических особенностях качеств практических психологов в различных по сложности ситуациях консультирования, коррекции и профилактики отклоняющегося поведения; психодиагностические методы – для получения количественно-качественных показателей особенностей проявления индивидуально-психологических свойств, исследуемых: опросник «Ценностные ориентации» М. Рокича, цветовой тест М. Люшера, «Самооценка стрессоустойчивости личности» Холмса и Раге, «Методика выявления уровня усталости и стресса» П. Фишера, личностный опросник «Шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Спилберга – Ю. Ханина», методика «Тенденция к рисковому поведению»; методы статистики – описательная статистика и сравнительный анализ. Исследование проведено в течение 2018-2020 гг. В группу исследуемых вошли практические

психологи региона Иркутской области. Всего к исследованию было привлечено 34 человека, в возрасте от 23 до 60 лет.

Важным фактором, определяющим требования современной деятельности к специалисту, являются изменения, произошедшие в социально-экономической сфере, когда резко обострилась конкуренция, увеличились риски и противоречия в области образования и потребления образовательных услуг.

Н.А. Коростелева под основными определяющими компонентами профессиональной пригодности рассматривает профессионально важные качества (далее – ПВК) в широком смысле этого слова [2]. Профессиональная пригодность практического психолога зависит не столько от совокупности начальных ПВК, сколько от их структуры. К профессионально важным качествам практического психолога относят: природные данные (задатки); профессиональные знания, навыки и компетенции, которые получают в процессе профессионального обучения и самоподготовки и индивидуальные психологические особенности будущих специалистов (мотивация, направленность, характер); психофизиологические особенности (темперамент, особенности высшей нервной деятельности) и особенности психических процессов (ощущение, восприятие, память, мышление, воображение); в некоторых видах деятельности – анатомо-физиологические характеристики.

Е.О. Тарасова приводит перечни профессионально важных качеств практических психологов: общественные качества, как уровень идейных нравственных ценностей человека, как члена коллектива, общества; отношение к труду, профессии, а также интересы и склонности к данной сфере деятельности; дееспособность, которая образуется качествами, важными во многих и разных видах деятельности (широта ума, его глубина, гибкость и др.); отдельные, конкретные, специальные способности, которые считаются, как важные для данной работы; навыки, привычки, знания, опыт [5].

Е.О. Тарасова указывает и другую классификацию профессионально-важных качеств практического психолога в профессиогенезе: природные (физиологические) способности;

социально-психологические потребности; профессионализм; организационные способности; управленческие способности [5].

Профессиогенез практических психологов, становление личности как профессионала, развитие и совершенствование профессионально-важных качеств специалиста в этой области – это все является непременно как самостоятельным достижением отдельного специалиста, так и общим организационным достижением.

В обобщенном виде профессиогенез практического психолога, как субъекта профессиональной деятельности, можно представить следующим образом:

- предпрофессиональное развитие (от рождения до 12 лет);
- развитие при выборе профессии (с 11–12 до 14–18 лет);
- развитие в период профессиональной подготовки и дальнейшего становления профессионала, включающий следующие стадии:
 - 1) профессионального обучения (с 15–18 или с 19–23 лет);
 - 2) профессиональной адаптации (с 19–21 или с 24–27 лет);
 - 3) развития профессионала (с 21–27 до 45–50 лет);
 - 4) реализация профессионала (45–50 до 60–65 лет);
 - 5) профессионального спада (с 61–66 и более лет).

Своеобразным прологом к профессионализму является процесс адаптационного вхождения в профессиональную деятельность, включающий:

- формирование мотивации;
- профессиональное самоопределение;
- овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями;
- развитие профессионально важных качеств, что соответствует стадии профессионального обучения в профессиогенезе личности [3].

Таким образом, понятие «профессиогенеза» практического психолога следует рассматривать как непрерывный процесс становления: специалиста, который начинается с момента выбора будущей профессии и заканчивается тогда, когда специалист прекращает активную

профессиональную деятельность, то есть результатом профессиогенеза является достигнутый уровень профессионализма. При этом, адаптационное вхождение является ключевым звеном профессиогенеза, что предопределяет успешность подготовки личности практического психолога к выполнению конкретных профессиональных функций.

В данном исследовании выяснялись психологические факторы, которые лежат в основе выполнения профессиональных задач практическими психологами и основные психологические проблемы, которые негативно влияют на успешность их деятельности.

Метод анкетирования позволил выявить, что практические психологи в процессе выполнения задач проживают три стадии профессионального страха: стадию тревоги, стадию сопротивления, стадию истощения. Стадия тревоги является непродолжительной по времени для всех категорий исследуемых лиц и находится в пределах $4,83 \pm 2,27$ (при $P < 0,05$). Стадия сопротивления при активном противостоянии страху перевозбуждение проходит, а сам психолог начинает либо активно бороться со стрессором, либо же адаптируется к нему. На этой стадии трудоспособность повышалась и находилась в пределах: $2,13 \pm 0,31$ (при $P < 0,05$). В этом случае В.А. Бодров подчеркивает, что если влияние стрессора было преодолено, или же произошло привыкание к нему, уровень стресса либо снижается до базового, либо же остается в виде остаточного стресса, который может оказаться за определенными неприятными воспоминаниями или другими обстоятельствами [1].

3. Стадия истощения имела место тогда, когда практический психолог, подвергшийся воздействию стресса в работе с клиентом, был неспособен противостоять стрессору. При таких условиях работоспособность резко снижалась и могла достичь нулевой отметки. Под воздействием стресса у такого психолога могли даже возникнуть разного рода соматические заболевания. Стадия истощения прослеживалась наиболее выражено – $14,72 \pm 4,10$ (при $P < 0,05$), а степень склонности к стрессу был достаточно высок.

Из беседы и анкетирования было установ-

лено, что практические психологи, впервые оказавшиеся в реальной практической работе с клиентом, могут легко оказаться жертвами профессиональной усталости, так как, по словам 57% практических психологов они часто испытывали сильное возбуждение. По нашему мнению, эти просчеты можно свести к минимуму, обеспечив серьезную, эмоциональную проработку в рамках профилактики, однако устранить их полностью невозможно в силу специфики деятельности.

Стрессогенными психологи называют ситуации в сфере взаимоотношений с педагогическим коллективом. Однако, доверия коллег оценено в 80,5 баллов. Такая высокая оценка, очевидно, объясняется тем, что в условиях характерного для педагогического коллектива, плотного графика работы, именно коллеги являются опорой. В то же время проблемы, связанные с «перегруженностью работой» (35,4), «изменением объема обязанностей практического психолога» (31,7), «сверхурочными консультациями» (23,6) – не оказывают значительного негативного воздействия на психическое состояние психологов.

Для определения дифференцированного подхода к оценке стрессогенности внешней среды, психологам, имеющим практический опыт, предлагали выделить пять, на их взгляд, наиболее стрессогенных ситуаций, возможных в ходе выполнения профессиональных задач. Из представленных тревожных ситуаций – три группы ответов относятся к проблемам присоединения к клиентским ситуациям и две – к вопросам взаимоотношений с коллегами и родителями.

По результатам исследования выяснилось, что на эффективность деятельности практического психолога существенное влияние оказывает эмоциональная окраска психологических реакций клиентов. Однако, психоэмоциональное напряжение не превышает пределы нормы, а профессиональные действия практического психолога являются активными и позитивно направленными.

Прямой зависимости между уровнем психоэмоционального напряжения и эффективностью психологической деятельности не выявлено. Определяющим психологическим фак-

тором в преодолении негативных последствий действия стрессора повышенной интенсивности является уровень профессиональной готовности психолога к выполнению им поставленных профессиональных задач [3].

Результативность выполнения задач практическими психологами в стрессогенных условиях коррекционной деятельности также зависит от их индивидуально-типологических свойств и характера доминирующих психических состояний. Психические состояния с доминированием положительных характеристик (положительно окрашенных эмоций) в основном являются признаками успешной профессиональной деятельности психологов. В то же время состояния, характеризующиеся преобладанием негативных характеристик, могут свидетельствовать о неудовлетворительном протекании профессиональной деятельности психологов и выступают предпосылкой снижения профессиональной мотивации.

Также следует отметить, что интенсивность тревожности после консультации с клиентом зависела не только от характера задачи, но и от индивидуальных особенностей психолога, мотивов его поведения, профессионального опыта, знаний, навыков, основных свойств нервной системы, эмоциональной устойчивости. Именно поэтому у практических психологов с опытом работы менее пяти лет состояние повышенной тревожности возникало чаще и длилось дольше по сравнению с более опытными психологами.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что влияние условий деятельности, обусловленных выполнением профессиональной задачи у практических психологов, приводит к изменению состояния тревожности, ее интенсивности и компенсации; уровня работоспособности и, в целом, к изменению психического состояния.

Для снижения тревожности и повышения эффективности работы по консультированию, коррекции и профилактики необходимо повышение уровня профессиональной подготовки практических психологов, в том числе специальной психологической подготовки, которая развивала бы у практиков в этой области готовность к действиям в условиях стресс-факторов профессиональной обстановки.

Увеличение количества практических психологов с высоким уровнем интенсивности тревожности предполагает проведение различного рода мероприятий по регуляции и саморегуляции психических состояний. Это будет способствовать более эффективной профессиональной деятельности практиков в области практической психологии.

Результаты эмпирического исследования дают основания утверждать, что для практических психологов типичными являются стрессогенные факторы, связанные со спецификой деятельности, особенностями организации служебной деятельности и другими факторами. Стрессогенные факторы осуществляют как положительное, так и отрицательное влияние на психоэмоциональное состояние практического психолога и результаты решения ими служебных задач.

В основе снижения уровня реактивной тревожности должна лежать специальная психологическая подготовка практических психологов, которая призвана развивать психологическую готовность личности к дея-

тельности в практических условиях. В этой связи необходимо, чтобы система психологического обеспечения профессиональной деятельности практических психологов организационно включала пять взаимосвязанных составляющих: профессионально-психологический отбор (направленный установить степень профессиональной пригодности практических психологов к выполнению консультативных, коррекционных и профилактических задач); психологическую подготовку (призванную развить у практических психологов высокий уровень психологической готовности к эффективным действиям в работе с клиентом); психологическое сопровождение (предназначено для формирования, сохранения и восстановления индивидуально-психологического потенциала практического психолога); психологическую помощь (направленную на актуализацию, мобилизацию, сохранение, компенсацию и восстановление психологических ресурсов практических психологов в соответствии с условиями профессиональных задач).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодров В.А.* Психология профессиональной пригодности: учеб. пособие для вузов. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 512 с.
2. *Коростелева Н.А.* Профессиональная пригодность как фактор, определяющий успешность профессиональной подготовки специалистов // Актуальные проблемы современности. – 2018. – № 4. – С. 69-74.
3. *Леонова А.Б.* Основные подходы к изучению профессионального стресса // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2001. – № 11. – С. 2-16.
4. *Маруняк С.В.* Особенности профессиогенеза в различных условиях экстремальной деятельности: монография. – Архангельск: Северный гос. мед. ун-т., 2008. – 131 с.
5. *Тарасова Е.О.* Психолого-педагогическая диагностика профессионально важных личностных качеств: учеб. пособие. – Сызрань: филиал Самарского гос. техн. ун-та, 2010. – 128 с.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE FORMATION OF PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES OF PRACTICAL PSYCHOLOGISTS IN THE PROCESS OF PROFESSIOGENESIS

GALSTYAN Margarita Nikolaevna

director

State Institution «Center for Prevention, Rehabilitation and Correction»

NIKULINA Tatiana Ivanovna

PhD in Psychology, Associate Professor

Baikal State University

Irkutsk, Russia

This research is based on the theoretical and methodological basis for the formation of professionally important qualities of practical psychologists in the process of professiogenesis. The problem of finding the causes of emotional burnout of practical psychologists is solved, which can be caused by a combination of dissimilar factors, such as workload and professional loads in working with clients. The interrelation of personal contradictions between the professional mobilization required from a practical psychologist and the presence of internal energy resources, which cause rather stable negative mental states, manifested in overstrain and fatigue, is presented. The results of differences in the peculiarities of the formation of professionally significant qualities at different stages of professiogenesis are presented. The results of the study suggest that emotional burnout is considered as the result of an unfavorable overcoming of stress, which interferes with the realization of the individual capabilities of the personality of a practical psychologist.

Key words: professionally important qualities, tension, mental state.

УДК 002.703:342.726

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ В СМИ

КОЧУБЕК кызы Айдана

магистрант кафедры журналистики и связи с общественностью

КОЙЧУМАНОВА Нургуль Мааметовна

доктор филологических наук, и.о. профессора

заведующая кафедрой журналистики и связи с общественностью

Международный Кувейтский университет

г. Бишкек, Кыргызстан

Количество женщин, работающих в медийной сфере, растет: по данным Европейской федерации журналистов, число женщин, входящих в состав профессиональных союзов, в начале 2000-х гг. составляло менее 20%, но всего за шесть лет ситуация кардинально поменялась и этот показатель удвоился, составив 45,3%. Очевидно, что прекрасная половина человечества активно занимает все новые позиции в медиасреде. При этом в своей профессиональной практике женщины-журналисты сталкиваются с теми же опасностями, что и их коллеги – мужчины, они наравне с мужчинами работают в «горячих точках», собирая общественно важную информацию, но по понятным причинам иногда становятся уязвимее в отношении притеснений и издевательств. Цель данной статьи – акцентировать внимание на гендерной составляющей военных журналистов, анализируя опыт мужчин и женщин. Результаты могут послужить основой для работ, посвященных вопросам гендера.

Ключевые слова: СМИ, война, военная журналистика, «горячие точки», гендер, гендерные стереотипы, дискриминация.

Введение. Под гендером подразумевают такие социально смоделированные роли и социально освоенные модели поведения и ожиданий, которые связываются с представлениями о женщинах и мужчинах [5]. Женщины и мужчины различаются в биологическом отношении, но все культуры интерпретируют и преобразуют эти внутренние присутствующие им биологические различия в ряд социальных ожиданий в отношении того, какие модели поведения и деятельности следует считать для них подобающими и какими правами, ресурсами и полномочиями они должны обладать.

Термин «гендерное равенство» (gender equality) в контексте развития получил целый ряд разнообразных определений. Понятие «гендерное равенство» привязано к условиям равенства перед законом, к равенству возможностей (включая равенство в получении вознаграждения за труд и равенство в доступе к человеческому капиталу и другим производительным ресурсам, которые узаконивают эти возможности) и равным возможностям выразить свое мнение и заявить о своих интересах. Это определение по двум причинам близко к определению гендерного равенства как равенства получаемых результатов (outcomes). Во-первых, разные культуры и общества в своем стремлении достичь гендерного равенства могут следовать разными путями. Во-вторых, равенство предполагает, что женщины и мужчины свободны выбирать различные (или сходные) роли и различные (или сходные) конечные результаты – в соответствии со своими предпочтениями и целями

Подобно расе, национальности и классу, гендер является социальной категорией, которая в значительной степени определяет жизненные возможности того или иного индивидуума, задавая форму его участия в жизни и экономике общества. Некоторые общества не

имеют расового или этнического деления, однако все они в той или иной степени испытывают гендерную асимметрию, т. е. гендерные различия и несоответствия.

Стереотип – это шаблонное мнение о человеке, явлении, социальной группе или событии. Шаблоны мышления – результат эволюции. Они есть у всех людей, поэтому лучше принимать их как данность. В нашем мозге заложен определенный лимит познания, внимания, творческого размышления. Чтобы экономить энергию мозг упрощает картину мира, делает ее более понятной.

Стереотипы – это установленные в нашем мозге автоматизированные программы, которые аккумулируют генетический и приобретенный опыт. То есть наша генетика – это некий фундамент для шаблонов мышления. Но сами *стереотипы не являются чем-то врожденным*. Они возникают из информации, которую дают нам родители и окружение.

Слово *стереотип* произошло от двух греческих слов: «твердый» и «удар». В переводе значит «след от удара» или «твердый отпечаток». Впервые было использовано в 1796 г. в типографском деле, где стереотипом называли монолитную печатную форму или клише, с помощью которой можно было печатать страницу целиком. В метафорическом смысле стереотип – это зафиксированный вариант чего-либо, сложившийся стандарт.

В 1922 г. американский писатель, журналист Уолтер Липпман (1889-1974) ввел термин «социальный стереотип» – эмоционально окрашенный, устойчивый образ группы, который переносится на всех ее представителей. В такой модели беспорядочный, многообразный мир представляется четким и разделенным на категории. Такое своеобразное «расчленение» общества – это защитный механизм, без которого людям было трудно сосуществовать.

Но стереотипы имеют свои и плюсы, так и минусы.

«Плюсь» стереотипов	«Минусь» стереотипов
Объясняют социальные явления и процессы	Описывают типичную ситуацию, а не конкретный случай
Оберегают нашу психику, особенно в условиях современной динамичной жизни	Меняются медленнее, чем меняется действительность

Как отмечал еще в 1922 г. в своей книге «Общественное мнение» У. Липпман [3], «Факты, которые мы наблюдаем, в значительной мере зависят от нас самих... В большинстве случаев мы просто даем определения явлениям, а уже потом наблюдаем их непосредственно. Из огромного, наполненного цветами и звуками мира мы извлекаем лишь то, что наша культура уже предопределила за нас, и мы стремимся усвоить в форме, стереотипизированной для нас культурой, то, что сами же извлекли из потока жизни». Таким образом, основная опасность стереотипов состоит в том, что они «заслоняют» нам реальность, и мы, даже имея значительный социальный опыт, перестаем замечать те фрагменты реальности, которые не укладываются в стереотипные представления.

Так как стереотипизация многопланова, она проявляется в разных сферах деятельности человека и изучается многими науками: социологией, политологией, культурологией, этнографией, психологией, лингвистикой, когнитивистикой. Жесткие шаблоны мышления порождают предрассудки к людям с особыми потребностями, с разным цветом кожи, к представителям сексуальных меньшинств или религиозных конфессий. Они активно обсуждаются и осуждаются в обществе. С предубеждениями воюют феминистки, политические и общественные деятели, международные организации ООН и ЮНЕСКО. Но существуют шаблоны восприятия, которые являются частью нас самих. Они срастаются с нами настолько, что мы даже не догадываемся об их существовании. Борьба со своими стереотипами приходится самостоятельно.

С точки зрения О.В. Стасенко [9] гендерные стереотипы – это устоявшиеся искаженные представления о женских и мужских образах. Представления о мужчинах и женщинах формировались на протяжении всей истории, начиная со времен мужчин-охотников и женщин-хранительниц домашних традиций. Дополнительных штрихов к портрету добавили античные мифы, романтические баллады. В XXI в. гендерные роли изменились, но мифы о «Альфа-самце» и «Нежной нимфе» все так же популярны.

С.С. Скорнякова в своей работе [7] к сте-

реотипной модели женщины приписывает нерешительность, осторожность, пассивность, конформизм, забота о соблюдении норм. Традиционно женскими характеристиками являются беспомощность, покорность, безответственность, пристрастность, слабость, необъективность. Фемининные черты – восприимчивость, эмоциональность, чувствительность, внушаемость, склонность к тревожности, ранимость, жертвенность, заботливость, тактичность, склонность к проявлениям чувств, мягкость.

Результаты авторского исследования. Рихтер в 1995 г. и Соколова в 2014 г. провели исследования, касающихся некоторых аспектов работы репортеров в зонах боевых действий.

Для того, чтобы уточнить данные, полученные в ходе исследования, и углубить знания о специфике военной журналистики и конкретно гендерном ее аспекте, было проведено дополнительное исследование [6; 10], в котором добавлены вопросы, касающиеся дискриминации по половому признаку и влиянию работы в «горячих точках» на профессиональные компетенции. В результате данного исследования позволило выделить специфические черты работы женщин-журналистов в зонах вооруженных конфликтов.

Авторы вышеуказанного исследования полагают, что женщины, работавшие в зонах вооруженных конфликтов в качестве корреспондентов, возможно, сталкивались с проявлениями гендерной дискриминации, но данные проблемы не представляют такой степени напряжения, которая могла бы отразиться на желании продолжать профессиональную карьеру.

Стоит отметить, что число женщин, освещающих войны, традиционно меньше по сравнению с числом мужчин: например, в исследовании «Журналисты и кризис в Чечне», проведенном в 1995 г. Фондом защиты гласности, из 23 респондентов всего 5 женщин.

По данным ЮНЕСКО, 40% сотрудников СМИ в мире – женщины, а в странах с переходной экономикой – по разным причинам – их доля возросла до 80%. Соответственно, все больше женщин освещает и военные конфликты – талантливо, последовательно и

не так, как мужчины. Секретарь Союза журналистов России Надежда Ажгихина [4] считает, что женщины меняют представление о военном репортаже. Они значительно больше внимания уделяют судьбам гражданских лиц: женщин, детей, стариков. Их интересует не столько геополитический результат военной операции, сколько вот та драма, которую переживают люди и это, конечно, привлекает аудиторию. Надежда говорит, что журналистки не раз помогали переосмыслить какие-то аспекты военного конфликта, как это произошло во время войны в бывшей Югославии. Именно женщины-репортеры привлекли внимание к тому, что сексуальное насилие стало орудием войны: «То, что массовые изнасилования, в том числе изнасилования по этническому признаку, стали объектом обсуждения, были признаны преступлением против человечности международным сообществом, это, конечно, заслуга непосредственно женщин-журналистов. Таких примеров достаточно много».

Общеизвестно, что война никак не приспособлена для женщин, но Ажгихина утверждает у женщин-военных корреспондентов есть и преимущества. К ним относятся с большим доверием, перед ними охотнее раскрываются. И Виктория Ивлева, спецкор «Новой газеты», поработавшая в «горячих точках» в разных странах, полностью с этим согласна: «Женщина вызывает гораздо меньше отторжения, чем мужчина. Женщина не вызывает такого страха, как мужчина, априори просто потому, что она женщина. Соответственно, женщине легче войти в любую военную дверь, чем мужчине. Ее скорее пустят, будь то беженцы, будь то командование армией, будь то солдаты, кто бы то ни было еще. Вариант изнасилования, он конечно, остается, но он остается также и в обычной жизни».

Общеизвестно, что дело журналиста – освещать события, а не участвовать в них. Виктория Ивлева не согласна: «Я как раз считаю, что журналист может сыграть большую роль в любом общественном процессе и в миростроительстве тоже. Все зависит от того, что ты пишешь и как, под каким углом ты на это смотришь».

Некоторые журналистки [1; 4; 6; 10],

освещавшие военные конфликты отмечают, что никогда не сталкивалась с проблемами или дискриминацией в горячих точках из-за того, что она – женщина. Наоборот, зачастую их появление действовало успокаивающе на вооруженных мужчин. Они расслабляются, начинают шутить и охотнее делятся информацией. Единственной сложностью, особенно на начальном этапе, для них стал недостаток технических знаний об оружии и умения с первого взгляда отличить РПГ от ПЗКР, а БМП – от БТР.

Сабрина Тавернайс, во время работы в Ираке в 2003 г. [10] обнаружила, быть женщиной иногда очень удобно в профессиональном плане. Многим ее коллегам ничего не оставалось, кроме как сосредоточиться на освещении военных операций, так как мужчине-иностранцу общение с местными женщинами практически невозможно. Она же, надев хиджаб, достаточно легко вписалась в местное общество.

Работая в горячих точках и общаясь с коллегами, некоторые военные журналистки подметили такой факт, что мужчины журналисты больше интересуются техническим оснащением военных, тем, как проходит конкретный бой. А женщинам всегда интереснее, что в душе у военных, ради чего они сражаются и, что они при этом чувствуют.

Общеизвестно, что журналисты, работающие в «горячих точках», рискуют не только жизнью, но и психическим здоровьем. Посттравматический синдром, травмирующий психику человека, побывавшего на войне, – явление, к которому в некоторые относились без должного внимания. Между тем психологи утверждают, что понимание последствий работы на войне помогут журналисту и лучше адаптироваться к неприятным и опасным условиям работы, и легче справиться непосредственно с посттравматическим стрессом. В США, кстати, наличие у человека посттравматического синдрома может служить оправдательным аргументом в суде. И американские врачи доказали, что посттравматический синдром может появиться у человека не только от пребывания в зоне военных действий, но и в результате природных катаклизмов или терактов.

Леонид Китаев-Смык доктор психологических наук в своей работе «Психология стресса» [2], отмечает, что у человека, у журналиста, который работал длительное время в зоне военных действий, на войне, меняется картина мира и ему тяжело потом вернуть на место военной картины мирную жизнь, происходит, так называемый вторичный послевоенный стресс. Через некоторое время у нормального человека и профессионального журналиста это все проходит. И возникает еще интересный феномен: в следующий раз, когда он попадает в критическую ситуацию войны или каких-то других катастроф, он быстрее адаптируется к ним и после возвращения у него меньше последствий.

Доктор психологических наук Ольга Кравцова рекомендует, что очень важно так же, как не только у журналистов, а у всех пострадавших и испытывающих посттравматический стресс, в этот период очень необходима социальная поддержка.

Выводы:

1. Стереотипы – это хорошо. Они экономят мыслительную энергию, помогают нам мгновенно реагировать на происходящее.
2. Стереотипы – это плохо. Они ограни-

чивают наши возможности, делают действительность более примитивной, также усложняют нашу жизнь.

3. Шаблоны мышления – не врожденные. Они могут меняться под действием обстоятельств или с усилением воли.

4. В перспективе гендерные стереотипы нуждаются в изменении для преодоления отставания от потребностей современного молодежного общества, которому требуется активная реализация творческого потенциала женщин в различных профессиональных и личных сферах.

5. К женщинам журналисткам относятся с большим доверием, чем к мужчинам репортерам, перед ними местные жители охотнее раскрываются.

6. Именно журналистки не раз помогали переосмыслить какие-то аспекты военного конфликта.

7. Все у журналистов, побывавших в зонах военного конфликта, появляется посттравматический синдром, но американские врачи доказали он может появиться у человека не только от пребывания в зоне военных действий, но и в результате природных катаклизмов или терактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журналистика и война (Освещение российскими СМИ военных действий в Чечне) / под ред. А.Г. Рихтера. – М.: РАИПЦ, 1995. – 76 с.
2. Китаев-Смык Л. Психология стресса: психологическая антропология стресса. – М.: Академический проект, 2009. – 943 с.
3. Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
4. Новости ООН. Нужны ли женщины-журналисты на войне? 2013. 27 авг. – URL: <https://news.un.org/ru/audio/2013/08/1019351>
5. Пол. Гендер. Справочное пособие для государственных служащих. – Минск, 2005. – URL: <http://unfra.by/ru/resources/gendernoeravenstvo/posobiya/posobiya> (дата обращения: 10.11.2016).
6. Самое главное – это обычные люди. Мария Антония Санчес-Валледжо, «Эль Паис». – <https://povaha.org.ua/voennyie-korrespondentyi-zhenschynyi-che-mesto-na-vojne/> (дата обращения: 10.11.2016).
7. Скорнякова С.С. Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб, 2004. – С. 225-231.
8. Соколова Д.В. Особенности работы женщин в «горячих точках»: исследование опыта российских и зарубежных журналистов // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2015. – № 3. – С. 24-45.
9. Стасенко О.В. Трансляция гендерных стереотипов средствами массовой коммуникации: Информационный сайт. – URL: <http://superinf.ru/> (дата обращения: 10.11.2016).
10. Тавернайс Сабрина The New York Times, 18 August 2006.

GENDER ASPECTS IN THE MEDIA

KOCHUBEK kyzy Aidana

master's student of the Department of Journalism and Public Relations

KOICHUMANOVA Nurgul Maametovna

Grand PhD in Philology, Acting Professors

Head of the Department of Journalism and Public Relations

International Kuwait University

Bishkek, Kyrgyzstan

The number of women working in the media is on the rise: according to the European Federation of Journalists, the number of women in trade unions in the early 2000s. was less than 20%, but in just six years the situation has changed dramatically and this figure has doubled, amounting to 45.3%. It is obvious that the beautiful half of humanity is actively occupying new positions in the media environment. At the same time, in their professional practice, women journalists face the same dangers as their male colleagues, they work on an equal basis with men in «hot spots», collecting socially important information, but for obvious reasons they sometimes become more vulnerable to harassment and bullying ... The purpose of this article is to focus on the gender component of military journalists by analyzing the experiences of men and women. The results can serve as a basis for works devoted to gender issues.

Key words: mass media, war, military journalism, «hot spots», gender, gender stereotypes, discrimination.

Автор(ы) гарантирует наличие у него исключительных прав на использование переданного редакции материала. В случае нарушения данной гарантии и предъявления в связи с этим претензий к редакции, автор(ы) самостоятельно и за свой счет обязуется урегулировать все претензии. Редакция не несет ответственности перед третьими лицами за нарушение данных автором гарантий.